

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Vědecký a praktický časopis

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

№ 2 2016

ZAKLADATEL:
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.

Šéfredaktorka – prof. **Irina S. Karabulatova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie)

Mezinárodní redakční rada

doc. **Zoya N. Afinskaya**, CSc. (docent v oboru filologie – Moskva, Rusko)
prof. **Zohidjon M. Islamov**, Ph.D. (Tashkent, Uzbekistan)
prof. **Svetlana V. Kezina**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)
prof. **Vasilij V. Lipič**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Belgorod, Rusko)
prof. **Irina V. Moklecova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Moskva, Rusko)
prof. **Albina M. Sayapova**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Kazan, Rusko)
prof. **Elena N. Serdobinceva**, Ph.D. (profesor v oboru filologie – Penza, Rusko)

ISSN 2464-6768
MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016

ISSN 2464-6768

MK ČR E 22429

Scientific and practical journal

PHYLOGICAL KNOWLEDGES

№ 2 2016

THE FOUNDER:
The science publishing centre «Sociosphere-CZ»

Editor-in-Chief – Doctor of Philological Sciences, professor
Irina S. Karabulatova

International editorial board

Zoya N. Afinskaya, Candidate of Philological Sciences, assistant professor (Moscow, Russia)

Zohidjon M. Islamov, Doctor of Philological Sciences, professor (Tashkent, Uzbekistan)

Svetlana V. Kezina, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)

Vasiliy V. Lipich, Doctor of Philological Sciences, professor (Belgorod, Russia)

Irina V. Mokletsova, Doctor of Philological Sciences, professor (Moscow, Russia)

Albina M. Sayapova, Doctor of Philological Sciences, professor (Kazan, Russia)

Elena N. Serdobintseva, Doctor of Philological Sciences, professor (Penza, Russia)

ISSN 2464-6768
MK ČR E 22429

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», s.r.o., 2016.

OBSAH

От главного редактора.....	9
----------------------------	---

LINGVISTIKA A INTERKULTURNÍ KOMUNIKACE

Афинская З. Н. Мета- как индикатор междисциплинарных исследований	11
Кузьмина Р. П. Использование аугментативных суффиксов в эвенском языке	17
Pankina E. V., Ulianova N. N. Perception of onomatopoeic words by foreign speakers	20
Турбекова С. А., Саньярова Н. С. Эквивалентность эмоционально-оценочных словосочетаний со значением лица при переводе художественного текста	24
Церцвадзе М. Г. Сравнительный анализ русских и грузинских поговорок с зооанимическим компонентом	28
Чубарова Е. В. Осмысление социокультурных взаимодействий человека и общества через лингвистический анализ политических текстов	32

LITERATURA A FOLKLÓR

Балашова И. А. Образ Татьяны Лариной, героини романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»	35
Дзюбенко А. И., Клименко О. А. К вопросу о функционировании эпитетов положительной оценки в художественном дискурсе трагической тематики (на материале произведений Р. Дала и Дж. Арчера)	41
Ефремова Н. В. Рационально-логическая оценка автором имеющегося в его распоряжении фонда знаний	45
Фатеева Ю. Г. Концепт «смерть» в профессиональной языковой картине мира врача (на материале художественной прозы)	51

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016 году.....	57
Информация о научных журналах	59
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	60

CONTENTS

From the Editor-in-Chief	9
--------------------------------	---

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Afinskaya Z. N. <i>Meta-</i> as an indicator interdisciplinary studies	11
Kuzmina R. P. The use of augmentative suffixes in Even language	17
Pankina E. V., Ulianova N. N. Perception of onomatopoeic words by foreign speakers	20
Turbekova S. A., Sanyarova N. S. Equivalence of emotional and evaluative phrases with the value of the person in the translation of a literary text.....	24
Tsertsvadze M. G. Comparative analysis of Russian and Georgian proverbs with an animalistic component.....	28
Chubarova E. V. Understanding of socio-cultural interactions of man and society through the linguistic analysis of political texts.....	32

LITERATURE AND FOLKLORE

Balashova I. A. The image of Tatiana Larina, the heroine of the A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin"	35
Dzyubenko A.I., Klimenko O.A. On problem of epithets with positive connotation functioning in fictional tragic discourse (based on works by R. Dahl and J. Archer)	41
Efremova N. V. Author's rational and logical estimation of its fund of knowledge	45
Fateeva J. G. The concept of "death" in the professional language picture of the world of a doctor (on a material of fiction)	51

Plan of the international conferences organized by Universities of Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bulgaria, Kazakhstan, Uzbekistan, and Czech Republic on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2016	57
Information about scientific journals	59
Publishing services of the science publishing centre «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	60

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Сегодня сложно кого-то удивить открытием нового журнала, однако наш новый журнал «*Filologické vědomosti*» (Филологические знания) не просто аккумулирует лучшие научные силы исследователей из разных стран, он открывает новое дискурсивное пространство научного диалога, вовлекая в свою сферу все большее количество участников.

В ходе работы над нашим первым номером журнала, который обещает быть регулярным, начала формироваться активная исследовательская сеть, ее создание является не менее значимым, чем получение конкретных научных результатов, получающих свое освещение на этих страницах. Сегодня мы имеем честь презентовать второй номер журнала. Мы надеемся, что его авторами станут не только маститые ученые, но и молодые исследователи, чей научный путь только начинается.

Современная реальность нашей жизни диктует синергетический подход к осмыслению новых фактов, процессов, институтов в мировом социуме, поэтому мы приветствуем работы с опорой на интегративный план. При этом огромное значение стало уделяться Слову, как фундаментальной основе человеческой цивилизации. Новые пространства для исследований открываются в связи со вступлением общества в новую фазу – электронно-информационную. Возникают проблемы лингвистической безопасности и лингвистической экологии в контексте сохранения целостности картины мира языковой личности.

Реализация поставленной задачи обусловила выпуск регулярного издания в рамках исследования чисто лингвистических, социально-культурологических и гуманитарно-философских проблем современной науки. В связи с этим первый номер вобрал в себя работы, посвященные междисциплинарной гуманитарной составляющей с лингвистической доминан-

той. Итак, перед нами двуединая задача – пролонгированное коллективное исследование и создание самого коллектива, способного развивать в дальнейшем начатый проект.

Работу над психолого-лингвистическим, социально-политическим, историко-этнографическим, социокультурным, фило-софско-гуманитарным пространством Евразии не может выполнять обычная группа исследователей, работающая точно в каком-либо одном городе, центре. Такая работа предполагает участвующее наблюдение, глубинные интервью и эксперименты, постоянные контакты с людьми, аналитический разбор статистических данных, работа с печатными источниками, историческими текстами, фольклорными материалами, документами, иначе говоря, исследователь должен быть участником того человеческого мира, особенности которого он описывает. Поэтому основу нашей исследовательской сети составили, прежде всего, гуманитарии: лингвисты, диалектологи, историки, культурологи, фольклористы, политологи, философы, социологи, педагоги, литературоведы, т.е. все те, кто занимается СЛОВОМ. Предмет их исследования – родной и привычный для них мир, и отстраниться от него, «оСТРАНить» его, чтобы сделать предметом, трудно, но все-таки возможно, поскольку те, кто вошел в авторский коллектив, в той или иной мере «странники» в родных местах, благодаря профессии, заставляющей анализировать, что происходит с людьми, и общаться с большим числом самых разных респондентов, а благодаря продолжительному опыту жизни в других городах, регионах и странах, умеющих сопоставлять различные данные и выводить универсалии.

География участников авторского коллектива и редакционной коллегии широка: от Европы до Центральной, Средней Азии и Дальнего Востока.

В то же время, несмотря на разбросанность участников нашей сети в пространстве, вынуждающую приспособляться к

часовым поясам и проч., наша работа имеет коллективный характер и не мыслится иной. Особенности каждого материала, представленного в журнале, аналитически описывают особенности конкретного региона, социальной группы и/или субгруппы, что не поддается стандартному описанию, но, в то же время, каждая статья является не просто уникальным авторским материалом, но и частью некой общей картины. Иначе говоря, участник нашей исследовательской сети международного рецензируемого журнала «Filologické vědomosti», занимаясь своим исследованием автономно и понимая, что за него редакционная коллегия журнала не определит, что значимо для людей в данном пространстве и времени, должен представлять развитие коллективного труда, участвовать в определении его предварительного эскиза, активно включаться в диалог с коллегами, обеспечивая преемственность и соблюдая определенную логику научного исследования.

Содержание, образовательно-исследовательские формы нашего коллективного исследования, представляемые в каждом номере нашего журнала, не являются традиционно вузовскими, поэтому данный проект отражает синтез академической и вузовской науки и требует дополнительного подробного описания с анализом, отличающимся от самого жанра предисловия. Скажем здесь только о том, что принципиально важно для нашего проекта и для возникшего научно-исследовательского сообщества – о междисциплинарном характере как самого исследования, так и авторского коллектива. Междисциплинарность исследования нельзя в данном случае обеспечить просто сведением в один коллектив людей из

различных вузов и научных институтов: участник авторского коллектива, живущий и работающий в том или ином научном и/или образовательном учреждении, не может быть специалистом в истории, лингвистике, политологии, экономики одновременно. Собственного говоря, одним из важнейших стимулов для вхождения в исследовательский коллектив становится возможность не просто участвовать в интересном исследовании, но и продвинуться в профессиональном образовании. Именно поэтому мы назвали наш журнал «Filologické vědomosti», чтобы знакомить с новаторскими и традиционными разработками коллег из разных стран и регионов.

Критика со стороны научного сообщества неизбежна – работа маргинальна по отношению к доминирующим моделям научного знания. Для подобных случаев существует «техника безопасности», овладеть которой несложно, но для этого необходимо пребывать в научной среде, и при этом непросто сохранить способность к изложению, доступному не только специалистам. Мы ждем критики и с другой стороны. В фокусе нашего внимания – конкретные локальные сообщества Центральной России, Северного Кавказа, Поволжья, Урала, Дальнего Востока, Сибири, Казахстана, Китая, Вьетнама и т. д. Естественно, что суждения и интерпретации авторов могут не совпадать с мнением редакторского коллектива и с пониманием других исследователей. Мы принимаем несовпадения как альтернативу, которая помогает отнестись отстраненно к собственному опыту.

Ирина Советовна Карабулатова,
доктор филологических наук,
профессор

УДК 811.133.1 (075.8)

Meta- КАК ИНДИКАТОР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

З. Н. Афинская

*Кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

Meta- AS AN INDICATOR INTERDISCIPLINARY STUDIES

Z. N. Afinskaya

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Moscow State University named
after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

Abstract. Interdisciplinary studies are important areas of science about language. Formant or the prefix meta (from the Greek. meta means "moreover", in other words, we are talking about the expansion of the traditional understanding of the object of study by bringing facts into the intersection of science": a meta-lexicography, meta-discourse, meta-geography, meta-chemistry, etc. Morpheme meta - means not only belonging to the epistemology of science, "speech to the science of herself". As the formant sense, it is necessary as a way of expanding the scope of a particular science due to the adjacent edge spaces of research.

Keywords: epistemology, interdisciplinarity, the meta-language, new terms, ordinary language, meta-science, lexicographic formant, formant sense.

«задохнувшись метаявью...»

А. Воллис

Актуальное состояние современной науки характеризуется междисциплинарным дискурсом, стремлением к интеграции научного знания, диалогом между гуманитарными и «точными» [3, с. 5–31] науками. Неслучайно, в последние десятилетия развиваются науки с «сдвоенным» названием – психолингвистика, прагмалингвистика, социолингвистика, лингвокогнитивистика, лингвокультурология. Одной из актуальных тенденций развития науки можно отметить возникновение междисциплинарных направлений, названия которых отражают классическое понимание базовой науки и расширение сферы этой науки за счет ее свя-

зей с другими научными направлениями, что выражается, в частности, в присоединении к классическому названию приставки *мета-*: металексикография, метадискурс, метагеография и др.. Ср. во французском научном дискурсе – *méa-analyse, méa-théorie, méa-concept, méa-éthique, méa-organisations, méa-théorie, méa-chaîne, méa-discours, méa-lexicographie...* Приставка *méa-* (рус. *мета-* от греч. *meta*) означает *au-dessus*, т.е. *сверх того*, иными словами, речь идет о расширении сферы традиционного понимания объекта исследования за счет привлечения фактов «на стыке наук».

Так, в русской лингвокультуре слово *метафизика*, получившее распространение под влиянием философии французского Просвещения, укоренилось с тече-

нием времени, но требовало объяснения. В. В. Виноградов отмечал стремление А. С. Пушкина обогатить русский язык метафизическими понятиями как необходимый способ расширения пространства философии: «Пушкин требует мыслей, как от прозы, так и от поэзии. Он работает над «*метафизическим*» языком и в области прозы и в сфере стиха. В слово *метафизический* Пушкин влагал значение: «интеллектуальный, отвлечённый, относящийся к сфере глубоких идей, богатый мыслями» [4, с. 926–927].

В связи с появлением новых методов анализа языка в XX веке, в частности, в свете идей, выдвинутых школой новой риторики, группой μ (Ф. Эделин, Ж.-М. Клиненберг и др.), а также школой структурализма (Ж. Дюбуа) была создана новая терминология, в которой морфема *мета* играет существенную роль, выражая новизну лингвистических теорий. «Мета-таксис, воздействуя на форму предложения, изменяет его синтаксическую структуру» [6, с. 121]; метаграфы, метаплазмы – перестановка букв слове в результате ошибки. Возник интерес к новому явлению, к так называемому метаязыку, сущность которого объяснила Е. С. Кубрякова: «Метаязыковые высказывания следует считать, на наш взгляд, средством описания **обыденного**, не научного знания о языке... не само по себе формирование в лингвистике разветвленной системы специфических структур знания (реализующихся и здесь в виде терминов), сколько способов представления в ней научного, теоретического знания плюс неспециального (обыденного) знания выделяют эти способы с помощью понятия **метаязыка**» [10, с. 56]. Интерес к повседневности в ее разных проявлениях, в том числе к обыденному языку и его связях с поэтическим и научным языком сделали необходимым анализировать разные по стилистике тексты с помощью языковых категорий, опирающихся на классическую терминологию и одновременно выходящую за ее рамки.

Речь идет о расширении сферы исследований классической науки, в которой

значительное место отводится междисциплинарным исследованиям. «Если **первой** отличительной чертой познавательных процессов, происходящих в лингвистике, является фиксация их результатов на особом варианте естественного языка, именуем **метаязыком**, – полагает Е. С. Кубрякова, – то **второй** такой чертой оказывается задействованность в этих процессах **междисциплинарных** данных» [10, с. 57]. Е. С. Кубрякова, один из основателей когнитивистики в России, не только широко использовала метод создания новой терминологии с помощью приставки *мета*, но и дала объяснение этому новому и получившему широкое распространение лексикологическому факту. Ю. С. Степанов, один из основателей семиотики в России, говорил о двух «основных семиотических методов: м е т а о п и с а н и я, или м е т а я з ы к а, и метода абстракции» [11, с. 43].

Итак, междисциплинарность – основное направление, основная задача *метанауки*. Французские философы, одни из теоретиков междисциплинарной методологии полагают, что «l'interdisciplinarité a pour but d'élaborer un formalisme suffisamment général et précis pour permettre d'exprimer dans ce langage unique les concepts, les préoccupations, les contributions d'un nombre plus ou moins grand de disciplines» («Междисциплинарность имеет целью выработать свой аппарат достаточно общий и точный, чтобы позволить выразить в этом уникальном языке концепты, задачи и вклад более или менее большого количества дисциплин». – Пер. З. А.) [15].

В этом подходе сходятся точки зрения русских и французских исследователей – речь идет не только о поиске нового фокуса для освещения известных данных, но о новых «формантах мысли», о поиске новых матриц знания. «La méta-analyse est une démarche, plus qu'une simple technique, – полагают французские эпистемологи, – qui a pour but de combiner les résultats de plusieurs études pour en faire une synthèse reproductible et quantifiée» («Мета-анализ – это особый метод, а не просто технический прием, цель которого состо-

ит в том, чтобы объединить результаты разных исследований ради создания воспроизводимого и верифицируемого синтеза» – пер. З. А.) [16]. Этот тезис французских эпистемологов созвучен идее А. В. Корчинского [9] о «формантах мысли» как о неких семантических единицах, о мотивах определенной темы [1, с. 8], присущих как обыденному языку, так и языку науки, морали, философии, художественной литературе [9]. Если в лингвистике [12] форманты участвуют в качестве приставок в процессе словообразования, то в эпистемологии формантами могут быть не только приставки, но и самостоятельные слова, концепты, понятия. «Я использую этот термин в метафорическом смысле, – пишет В. В. Корчинский, – термин «форманты охватывает важную особенность: мысль вариативна... одни форманты меняют слово так, что возникшие единицы остаются его формами, а другие образуют другое слово» [9, с. 8].

Наука XXI века развивается в контексте междисциплинарности и трансдисциплинарности, о чем свидетельствуют сдвоенные названия научных дисциплин (психолингвистика, социолингвистика). Но в этих терминах четко «прочитываются» научные направления, которые были «источниками» новых дисциплин. В отличие от них образования с приставкой *мета-* не позволяют сразу обнаружить специфику новых дисциплин: метакимия, метагеография и др. Так, Д. Н. Замятин рассматривает культуру как «... некую мета-сферу... сферическое видение ментальных миров, обретающих себя лишь посредством географических образов становления и развития средовых гетерогенных самоорганизующихся пространств» [7, с. 126].

Частица *мета-* может использоваться не только в узко эпистемологическом значении, но, скорее, по модели понятия *метафизика*, обозначая философский, а в парадигме нового знания – эпистемологический взгляд на весь комплекс проблем той или иной науки. Именно такое значение было придано термину-неологизму *метакимия* французским химиком и фи-

лософом Гастоном Башляром, который первым среди химиков использовал новый «формант мысли».

Метакимия должна, по мысли Башляра, включить в себя все ветви этой науки – классической и нелавуазьевской, – возникших в XX веке в результате применения математических и других инновационных методов. Не лавуазьевская химия базируется на идее *динамизации* (*dynamisation*) вещества-субстанции, которая приводит к идее образования нового направления науки – *метакимии*, или *панхимии*. Понятия *вещество*, *субстанция* относятся к фундаментальным категориям в химии, но в рамках *метакимии* классическое представление о *субстанции* разрушается: «... une notion fondamentale de substance... Dès maintenant, une métachimie nous paraît possible. Si on pouvait la développer, cette métachimie devrait disperser le substantialisme» («... фундаментальное понятие субстанции... Отныне, метакимия нам кажется возможной. Если было бы можно ее развивать, то такая *метакимия* должна была бы *развеесть* субстанциализм» – Пер. З. А.) [13, с. 53]. Метакимия, согласно теории Башляра, сопоставима в своем отношении к химии, как метафизика к физике: «La métachimie serait à la métaphysique dans le même rapport que la chimie à la physique» [13, с. 53]. Как в метафизике центр внимания перенесен с конкретных, физических объектов на абстрактные понятия, так и в метакимии система идей и смыслов основывается не на химическом анализе вещества, а на философском осмыслении изменений вещества.

Понятийное поле *метакимии* включает такие понятия, как *sur-stance*, *ex-stance*, развивающие в свете метакимии такое базовое понятие, как *substance*. В свете новых открытий о химическом составе веществ (суб-станций) Башляр создаёт термины для новых понятий, позволяющих осуществить выход за рамки субстанциональной теории, – основе классической химии.

Более того, Башляр, будучи одним из ярких представителей и основоположни-

ков интертекстуальности как нового метода научных исследований, считал поэтический язык, особенно сюрреалистическую поэзию – соединение, казалось бы, несоединимых смыслов ради слома устоявшихся канонов, – источником новых идей, которая, благодаря своей новаторской сущности (*au-dessus*, т.е. *сверх того*) может помочь выйти за рамки общепринятого. Башляр, занимаясь критикой сюрреалистической поэзии, воспринял новаторскую идею «*сюр*», позволявшую выйти за рамки классических научных категорий. «Поэзия и Химия в определённом смысле одинаково безграничны» [2, с. 141], – уверял он. По сути дела Башляр предвосхитил использования когнитивных методов для развития науки, значение и влияние личности, ее психологического состояния в процессе восприятия окружающего мира и его осмысления.

Иногда Башляр в традиции французского рационализма, стремясь к наиболее точному и ясному изложению своей теории, можно сказать «играет словами», обыгрывает значение приставок и суффиксов. Так, рассуждая о соотношении классической и современной наук, он говорит, что между этими двумя этапами существуют отношения «включённости» (*l'enveloppement*) одной в другую, а не развития (*le développement*).

Мотив *мета* выражает необходимость и потребность в развитии междисциплинарности. Одной из наиболее ярких реализаций этой потребности современной науки, заключающейся в стремлении осмыслить научные достижения с точки зрения человека, участвующего в научной революции, является междисциплинарность. Так, например, возникают такие научные течения, как *психо-* и *метагеография*.

Морфема *мета*, широко используемая в научном и быденном языке для создания новых научных направлений и новых подходов к известным понятиям, послужила для создания нового, самостоятельного научного и культурного явления в XX веке – метагеографии.

Метагеография – область знания, находящаяся на стыке философии, искус-

ства и науки географии как таковой. С точки зрения метагеографии все окружающее воспринимается как придуманное и сконструированное, и внимание этой дисциплины направлено на осмысление ландшафта и географического пространства сквозь призму образов этого пространства, рожденных и бытующих как в обыденном сознании, так и в искусстве и литературе. В этом понимании метагеографии сходятся как российские, так и французские ученые. Ги Бодель предложил наиболее точное, на наш взгляд, определение метагеографии: «*La métagéographie ... – structures spatiales à travers lesquels les gens en recherchent d'autres images*» – «Метагеография (изучает) пространственные структуры, с помощью которых человек создает разные образы» (Пер. З. А.) [14].

Метагеография стремится не к описанию ландшафта на основании классических географических понятий и концептов, а ищет новый образ ландшафта, который могут подсказать или создать художник и, поэты, писатели. Метагеография интересуется тем, какие образы и символы создает пространство, тем, что происходит над поверхностью земли, над ландшафтом в виде символических картин. Согласно французским словарям: «*Métagéographie : du grec meta «au-dessus», c'est-à-dire se qui se passe effectivement au-dessus de la surface du sol*». В понимании Дм. Н. Замятина, одного из основоположников нового научного направления на стыке географии и культуры, метагеография – это прежде всего пространство воображения, пространство образов и представлений.

Хотя термин *метагеография* был предложен советским географом Ю. Саушкиным сравнительно недавно, в 1967 г. как отклик на распространение «науки о науках», эпистемологии, своими корнями это новое направление географии уходит в начало XX века, в эпоху модернизма и футуризма, когда весь окружающий мир должен был, по мысли авангардистов, подвергнуться радикальным преобразованиям. Этот подход к образному восприятию про-

странства и создание условий для его изменения, особенно в городской среде, начался в СССР в 20-ые годы XX века в качестве опытов художников и географов.

Культурное измерение, культурологический подход к географическим объектам (пространству и ландшафту) лежит в основе исторической концепции Л. Н. Гумилева, который создал новый термин – *вмещающий ландшафт*. В. Н. Калущков, объясняя значение этого термина, утверждает: «Вмещающий ландшафт представляет собой *экологическую* колыбель народа, его «экологическую нишу»; при этом «родной» ландшафт не только хорошо осознается представителями народа, но и «чувствуется», воспринимается всеми органами чувств» [8, с. 163].

В качестве заключения и выводов проведенного исследования отметим следующее:

1) новые слова возникают в лексиконе языковой личности, решая прагматические задачи: они необходимы для выражения новых понятий и концептов;

2) морфема *мета* представляет собой не только лексикологический формант, но и формант смысла, расширяя концептуальную сферу традиционных научных направлений и общепринятых понятий (см. эпиграф);

3) *мета*- означает не только принадлежность к эпистемологии науки, «к речи науки о себе самой», но к особому способу расширения сферы той или иной науки за счет смежных, пограничных пространств исследований, придавая им философский характер.

Библиографический список

- Афинская З. Н. Мотив в его отношении к лингвокогнитивистике // Литература и лингвистика: прошлое, настоящее, будущее : монография / авт. кол. Кошарная С. А., Афинская З. Н. и др.). – Одесса : КУПРИЕНКО СВ, 2015.
- Балашова Т. В. Научно-поэтическая революция Гастона Башляра // Вопросы философии. – № 9. – 1972.
- Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал. – М. : Наука, 1985.
- Виноградов В. В. История слов. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999.
- Воллис А. Исцеление строкой : сб. стихов. – М. : ПАБЛИС, 2014. – С. 22.
- Группа μ: Дюбуа Ж., Эделин Ф. и др. Общая риторика / пер. с фр.; общ. ред. А. К. Авеличева. Изд. 2-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2006.
- Замятин Дм. В сердце воздуха. К поискам сокровенных пространств: Эссе. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
- Калущков В. Н. География России. – М. : Юрайт, 2015.
- Корчинский А. В. Форманты мысли: литература и философский дискурс. – М. : Языки славянской культуры, 2015.
- Кубрякова Е. С. О когнитивных процессах, происходящих в ходе описания языка / В поисках сущности языка. – М. : Знак, 2012.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М. : Наука, 1985.
- Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Рус. словари, 1994.
- Bachelard G. La philosophie du non. – Paris : PUF, 1940.
- Baudelle G. Figures d'Europe : une question d'images//Norois, n°1,2005. URL : <http://norois.revue.org/604>; DOI: 10.4000/norois.604.
- Claverie B. Pluri-, inter-, transdisciplinarité : ou le réel décomposé en réseaux de savoir//Projectics/Proyectica/Projectique 1/2010 (n°4), p.5-27. DOI : 10.3917/proj.004.0005.
- Tahri W, Fallery. L'usage de la messagerie électronique : une méta-analyse des travaux francophones en la période 2000-2008. URL : www.info/revue-management-et-avenir-2010-4, p.183. htm DOI: 10. 3917/ mav. 034.0183.

Bibliograficheski spisok

- Afinskaja Z. N. Motiv v ego otnoshenii k lingvokognitivistike // Literatura i lingvistika: proshloe, nastojashhee, budushhee : monografija / avt. kol. Kosharnaja S. A., Afinskaja Z. N. i dr.). – Odessa : KUPRIENKO SV, 2015.
- Balashova T. V. Nauchno-pojeticheskaja revoljucija Gastona Bashljara // Voprosy filosofii. – № 9. – 1972.
- Budagov R. A. Shodstva i neshodstva mezhdurodstvennymi jazykami. Romanskij lingvisticheskij material. – M. : Nauka, 1985.
- Vinogradov V. V. Istorija slov. – M. : Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 1999.
- Vollis A. Iscelenie strokoj : sb. stihov. – M. : PABLIS, 2014. – S. 22.

6. Grappa μ: Djubua Zh., Jedelin F. idr. Obsbhaja ritorika / per. s fr.; obshh. red. A. K. Avelicheva. Izd. 2-e, stereotip. – M. : KomKniga, 2006.
7. Zamjatin Dm. V serdce vozduha. K poiskam sokrovennyh prostranstv: Jesse. – SPb. : Izd-vo Ivana Limbaha, 2011.
8. Kaluckov V. N. Geografija Rossii. – M. : Jurajt, 2015.
9. Korchinskij A. V. Formanty mysli: literatura i filosofskij diskurs. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015.
10. Kubrjakova E. S. O kognitivnyh processah, proishodjashhijh v hode opisanija jazyka / V poiskah sushhnosti jazyka. – M. : Znak, 2012.
11. Stepanov Ju. S. V trehmernom prostranstve jazyka. Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva. – M. : Nauka, 1985.
12. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. – M. : Rus. slovni, 1994.
13. Bachelard G. La philosophie du non. – Paris : PUF, 1940.
14. Baudelle G. Figures d'Europe : une question d'images//Norois, n°1,2005. URL : <http://norois.revue.org/604>; DOI: 10.4000/norois.604.
15. Claverie B. Pluri-, inter-, transdisciplinarité : ou le réel décomposé en réseaux de savoir//Projectics/Proyectica/Projectique 1/2010 (n°4), p.5-27. DOI : 10.3917/proj.004.0005.
16. Tahri W, Fallery. L'usage de la messagerie électronique : une méta-analyse des travaux francophones en la période 2000-2008. URL:www.info/revue-management-et-avenir-2010-4, p.183. htm DOI : 10. 3917/ mav. 034.0183.

© Афинская З. Н., 2016

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУГМЕНТАТИВНЫХ СУФФИКСОВ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Р. П. Кузьмина

*Кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
СО РАН,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия*

THE USE OF AUGMENTATIVE SUFFIXES IN EVEN LANGUAGE

R. P. Kuzmina

*Candidate of Philology Sciences,
Humanitarian Researches and the North Minorities
Issues Institute
Of the Siberian Department of the Russian Academy
of Sciences,
Yakutsk, The Republic of Sakha (Yakutia), Russia*

Abstract. This article analyzes the augmentative suffixes in Even language, with widespread use in everyday colloquial speech and folklore. These suffixes are used in all dialects of Even in the formation of nouns, adjectives and some pronouns with an estimated value of performing an emotional function. The article also discusses the importance of augmentative not previously documented in the writings of researchers Even functioning in Yakutia and Even language is not used in the literary language. Test suffixes, like all emotive formants are suffixes forming and follow after derivational suffixes.

Keywords: Even language; augmentative suffixes; folklore; diminutive.

В эвенском языке функционируют формы субъективной оценки, образующиеся с помощью различных диминутивных и аугментативных суффиксов и придающие именам дополнительные оттенки. Суффиксы субъективной оценки придают экспрессию и эмоциональную окраску всей речи, всему произведению. Слова с данными суффиксами в эвенском языке могут вызывать в зависимости от контекста не только отрицательные, но и положительные эмоции.

Областью функционирования аугментативных суффиксов в языке эвенов является фольклор, бытовая речь, художественные произведения. Чаще всего слова с увеличительными формантами кроме объективной величины выполняют и эмоционально окрашенную функцию.

В. И. Цинциус в эвенском литературном языке выделяет три аугментативных суффикса: *-кая/-кэ* (увеличительная форма имени), *-ндя/-нде* (увеличительно-ласкательная, увеличительно-

почтительная форма имени), *-мкар/-мкэр* (увеличительно-одобрительная форма имени) [5, с. 77–78]: *дю-ндя* «домище», *урэкчэ-нде* «большая гора», *кадара-ндя* «большая гора»; *ора-ндя* «оленище», *окатандя* «большая река», *тураки-ндя* «большущая ворона», *төңэрэ-нде* «большое озеро», *аси-ндя* «большая женщина» и др.; *ор-кая* «оленище», *һин-кая* «собачица», *төһөр-кэ* «озерище», *бэй-кэ* «человечище» и др.; *ора-мкар* «оленище, ну и оленище!», *бэй-мкэр* «человечище, ну и человеечище!», *дю-мкар* «домища, ну и домища!» и др.

В говорах эвенов Якутии, в частности, в ламунхинском и томпонском говорах следует отметить наличие, не зафиксированного ранее увеличительного суффикса *-һайа/-һэйэ*, не имеющего употребления в говорах восточного наречия. Особенностью данного аугментативного суффикса является то, что в говоре он используется с эвенскими прилагательными и с заимствованиями из якутского языка. Аугмен-

тативы на *-һайа/-һэйэ* в говорах имеют оценочное значение с оттенком пренебрежения, неодобрения, отвращения и презрения. Данный аффикс применяется со значением усилительных слов *һо* «очень», выражающих наивысшую степень качества, например: *дураһайа* «грязнуций, очень грязный» от *дураку* «грязный; нечистый», *арбаһайа* «очень косматый» от як. *арбаҕар* «растрепанный, взъерошенный, всколокоченный», *мадьаһайа* «очень кривоногий» от як. *мадьаҕар* «кривоногий», *һунуһайа* «очень глупый» от *һуну* «глупец, тупица, дурак, болван», *ялданһайа* «очень-очень черный» от *ялдана* «черный», *кыйбанһайа* «очень кокетливый» от як. *кыйманнаа* «шевелиться во множестве», *чилэнһэйэ* «очень черный» от *чилэку* «лоснящийся; черный, темный» и др.

Пример: *Як дин оча – нюрүтэнден арбаһая, остандян хечэ, итэнден, бөдэлэн остан-да ичун, бөдэлэн-дэ унтан тэкэриди гиркадяннан.* «Стала ни с чем несравнимая – волосы лохматые-прелохматые, большущие ногти, зубы отросли, ногти на ногах видны, и идёт с рваными унтами» и др. [1, с. 99].

В литературном языке эвенов с суффиксом *—мия/-мие (-мийа/-мийэ)* образуется пренебрежительная форма имени со значением старых, изношенных, негодных к употреблению предметов или остатков предмета, вещи [5, с. 79]. Фонетический вариант данного форманта с несколько иным значением используется в языке эвенов Якутии. Слова, оформленные аугментативным суффиксом *-майа/-мэйэ (-мая/-мие)* выражают ярко выраженную экспрессию с оттенком удивления, отвращения, иронии и изумления, например: *дюмайа* «домище», *ормайа* «оленище», *окатмайа* «большая река», *бэймэйэ* «человечище» и др.

Пример: *Окатла арай өмнэкэн итчэл хакаримая, һэлэм-һэлэм олодо-гу, магдили-гу.* «Однажды в реке увидели чернущую, страшную-страшную, то ли рыбу, то ли насекомое» [4].

Широким спектром применения обладают аугментативные суффиксы в фольк-

лоре эвенов. Используя деминутивные и аугментативные суффиксы в фольклорных произведениях *нимкаланы* «сказочник, сказитель» показывают свое отношение к происходящим событиям, дают физическую и моральную оценку персонажу.

Одним из исследователей фольклора эвенов Ж. К. Лебедевой было отмечено, что одним из часто встречающихся приемов в эвенском эпосе является употребление различных форм субъективной оценки действия сказителем. Эти формы образуются с помощью увеличительных, уменьшительных и уничижительных суффиксов. Имена героев сказитель в момент победы употребляет обычно с увеличительными суффиксами, а в момент поражения – с уменьшительными или даже с уничижительными [3, с. 282].

В эвенском фольклоре аугментативные суффиксы имеют активное функционирование и используются в большинстве своем для характеристики отрицательных персонажей.

Итак, рассмотрим применение данных суффиксов на примерах:

--нд'а/-нд'а (-ндя/-нде)

Примеры: *Тачин гөникэн, эрэк Чимчэвэлнюн эрэк Буракандя һутумэчэллэн.* «Так сказала, и огромная Бурак с Чимчэвэлом стали друг друга волочить» [1, с. 52]; *Эрэк Нэрукэнде тачикан кубэчэт нимһэн.* «Нэрук грозная его так целиком и проглотила» [1, с. 91] и др.

В данных примерах имена персонажей *Бурак* «женщина-чудовище, людоедка» и *Нэрукэнде* оформлены увеличительным аффиксом *-ндя/-нде*, что показывает не только объективную величину, но отрицательное оценочное значение, выражающее неодобрение, пренебрежение, отвращение, неприятие.

Имя одного из главных персонажей эвенского фольклора *Өиндя* почти всегда используется с увеличительным суффиксом *-ндя*. В фольклоре эвенов *Өиндя* выступает в роли глупца, совершающего неумные поступки и отношение к этому персонажу довольно неоднозначное. *Нимкалан* используя его имя с суффиксом *-ндя* подчеркивает не размер, а выражает ско-

рее неодобрение, недовольство, пренебрежение, осуждение.

Примеры: *Ңи ессимэчти ессимэчтэн, эрэк Өйиндечэкэн надан асаткан элгэдун гадач хэбдекэллэ хэбделлидийи.* «Кто хотел соревноваться, соревновался, а этот *Ойинде (глупый)* с девушками всё время устраивал игры» [1, с. 127]; *Гивлинё, Гивлинё, Өйиндекэн-болаҥа.* «Гивлинё, Гивлинё, Өйинде убогий» [1, с. 129] и др.

В данных *нимканах* «сказка, сказание» имя героя употреблено с двумя показателями субъективной оценки т. е. с увеличительным и уменьшительными суффиксами, усиливающими оттенки значения. В первом примере имя *Өйиндечэкэн* оформлено аугментативов *-ндя* и уменьшительно-уничижительным суффиксом *-чэкэн*. Во втором использован уменьшительный суффикс *-кэн* со значением уничижительности.

Формантом *-кайа/-кэйэ (-кая/-кэе)* в фольклорных произведениях оформляются имена отрицательных персонажей. С помощью аугментатива выражается крайний ужас, испуг, пренебрежение, отвращение, неодобрение.

Пример: *Асикая Иркэнмэлчэм кяринчиникан: «Эрэк би кэлмэву, хи аччадус мину улиттин, хо малын, буюсэлэн», – укчэнчэ аси.* «Бабища смотрит на Иркэнмэла краем глаза: «Это мой слуга, когда тебя не было, мне (он) помогал, хороший охотник»» [2, с. 66] и др.

Таким образом, в эвенском языке с помощью увеличительных суффиксов *-нд'а/-*

нд'э, -мкар/-мкэр, -кайа/-кэйэ, майа/мийэ, -ҥайа/-ҥэйэ оформляются слова с различными эмоционально-экспрессивными оттенками. Также следует отметить, что в фольклоре эвенов аугментативные суффиксы употребляются чаще всего с отрицательной оценкой.

Библиографический список

1. Александра Лаврилье, Дэян Матич. Эвенские нимканы Дарьи Михайловны Осениной. – Fürstenberg : Kulturstiftung Sibirien, 2013.
2. Бокова Е. Н. Эвэды фольклор. – Якутск : Бичик, 2002.
3. Лебедев В. Д. Эпос охотских эвенов / в записях Н. П. Ткачика. – Якутск : Кн. изд-во, 1986.
4. Полевой материал автора Кузьминой Р. П. Интервью в с. Тополинное Республики Саха (Якутия): записано 14 июля 2007 г.
5. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. – Л. : Наука, 1947.

Bibliograficheski spisk

1. Aleksandra Lavril'e, Djejan Matich. Jevenskie nimkany Dar'i Mihajlovny Oseninnoj. – Fürstenberg : Kulturstiftung Sibirien, 2013.
2. Bokova E. N. Jevjedy fol'klor. – Jakutsk : Bichik, 2002.
3. Lebedev V. D. Jepos ohotskih jevenov / v zapisjah N. P. Tkachika. – Jakutsk : Kn. izd-vo, 1986.
4. Polevoj material avtora Kuz'minnoj R. P. Interv'ju v s. Topolinoe Respubliki Saha (Jakutija): zapisano 14 ijulja 2007 g.
5. Cincius V. I. Oчерk grammatiki jevenskogo (lamutskogo) jazyka. – L. : Nauka, 1947.

© Кузьмина Р. П., 2016

PERCEPTION OF ONOMATOPOEIC WORDS BY FOREIGN SPEAKERS

E. V. Pankina
N. N. Ulianova

*Doctor of Philological Sciences, assistant professor,
Doctor of Philological Sciences, assistant professor,
Altai State Humanities Pedagogical University
named after V. M. Shukshin,
Biysk, Russia*

Abstract. The article deals with the problem of linguistic iconism, which is popular nowadays not only with linguists but also with psychologists and philosophers. The article presents the description and the results of the experiment involving the Russian speaking volunteers. The aim of the research is to examine the potential ability of foreign speakers to recognize the meaning of the onomatopoeic words of the unfamiliar language. The results of the relevant preceding experiments with the Altay and Mongolian speakers are also discussed in the paper. The research involves the speakers and the onomatopoeic words belonging to different genealogical branches in order to prevent the speakers from recognizing the stimuli due to their similarity in their native language.

Keywords: iconism; sound symbolism; onomatopoeic word; acoustic perception; the Russian language; the Altay language; the Mongolian language.

Nowadays it is a widely spread conception not only in Linguistics but also in Philosophy, Psychology and cognitive science that there is a certain coincidence between the word and its meaning, but the question is the degree of this coincidence.

Often referred to as *sound symbolism* [10], the associations between words and their abstract meaning was first mentioned in Plato's *Cratylus* dialogue [11], and has been particularly examined in both Linguistics [12; 6; 9; 2; 7; 5] and Psychology [8; 13].

Through a detailed evaluation of the literature we can find a few approaches to the *sound symbolism phenomenon* that works out a few types of *sound symbolism*: associations between sound and shape [3], associations between sound and color [5], associations between sound and gestures and some others.

In our paper we mostly deal with associations between sound and meaning. The potential for words to denote their meaning was described by Ch. Pierce [10]. According to Pierce's Semiological Conception the degree of coincidence between the word and its meaning can be observed in the chain *symbol – index – iconic* sign. The most conventional relation between the word and its referent is viewed in a *symbol*, and the closest – in an *icon*. In any language iconic signs are represented by onomatopoeic words. In the

process of phylogenesis the phonemes of the onomatopoeic words were chosen according to their coincidence with the acoustic value of the natural sounds they are to denote. It is important to stress that there is a great difference in phonetic features of a particular onomatopoeic word in different languages.

In the current article we examined the potential ability of foreign speakers to recognize the meaning of the onomatopoeic words of the unfamiliar language. We suppose that the iconic features of the stimuli are the only available source of information for the participants in case they do not know the language of the stimuli.

Participants

Sixty-three monolingual native Russian speakers who had never learned or dealt in any way with the Mongolian language were recruited from The Shukshin State Pedagogical University of Biysk. The subjects were asked to perform a short pencil and paper task lasting approximately 15 minutes.

Material

We engaged the continuous sampling method to choose 25 Mongolian onomatopoeic words as stimuli. It is necessary to mention that the phonetic qualities of the Mongolian onomatopoeic words were quite different from the correlating Russian words to prevent the participants from guessing the

meaning of the stimuli due to their similarity with the words in their native language. The stimuli were recorded by the native Mongolian Speaker. In the record each stimuli was repeated 5 times.

Procedure

In the course of the experiment the participants were asked to listen to the Mongolian onomatopoeic words, guess the natural sounds denoted by the stimuli and find the correlating Russian onomatopoeic words used to denote them. We aimed to encourage the participants to perceive iconic qualities of

the foreign words in order they could guess their meaning. We tried to avoid any outlets with the task and chose a pure auditory presentation of the material to stimulate the subjects concentrate on the acoustic qualities of the onomatopoeic words in order to help them get the correlation between the sound and the meaning. After hearing each Mongolian onomatopoeic word that was repeated 5 times the participants wrote a better corresponding Russian onomatopoeic word on a sheet of paper.

Figura 1.

Identification of Mongolian onomatopoeic words by Russian speakers (%)

<i>Mongolian onomatopoeic word</i>	<i>Russian equivalent</i>	<i>Identification (%)</i>
<i>Пин-пан</i> [пин пан]	<i>Бах</i> [бах]	14
<i>Тар-няр</i> [тарн'ар]	<i>Тресь</i> [трес']	2
<i>Жин-жин</i> [жин жин]	<i>Динь-дон</i> [дин'дон]	86
<i>Шир-шир</i> [ш'ирш'ир]	<i>Звяк</i> [зв'ак]	0
<i>Час-час</i> [часчас]	<i>Хруп</i> [хруп]	8
<i>Хявр-хявр</i> [х'арх'ар]	<i>Скрип</i> [скр'ип]	32
<i>Товор-товор</i> [товор товор]	<i>Цок-цок</i> [цокцок]	40
<i>Чад-чад</i> [чатчат]	<i>Щелк</i> [щ'олк]	0
<i>Чаг-чаг</i> [чакчак]	<i>Тик-так</i> [тиктак]	24
<i>Тас-тас</i> [тастас]	<i>Хрясь</i> [хр'ас']	2
<i>Шон</i> [ш'опш'оп]	<i>Чмок</i> [чмок]	0
<i>Шур-шар</i> [ш'урш'ар]	<i>Шурк-шурк</i> [шуркшурк]	92
<i>Шор-шор</i> [ш'орш'ор]	<i>Кап-кап</i> [капкап]	0
<i>Май-май</i> [мајмај]	<i>Бе-е</i> [б'э]	86
<i>Хав-хав</i> [хафхаф]	<i>Гав-гав</i> [гафгаф]	90
<i>Ваг-ваг</i> [ваквак]	<i>Кар-кар</i> [каркар]	0
<i>Жив-жив</i> [живжив]	<i>Чик-чирик</i> [чикчирик]	80
<i>Цор-цор</i> [цорцор]	<i>Тяф-тяф</i> [т'афт'аф]	0
<i>Ва-ва</i> [вава]	<i>Ква</i> [ква]	0
<i>Абс</i> [апс]	<i>Апчхи</i> [апчх'и]	64
<i>Туй</i> [туј]	<i>Тьфу</i> [т'фу]	72

Results

The average rate of recognition made up 27 %. Thus, the participants had no difficulty

with the mong. *шур-шар* (rus. *шурк-шурк*): it was identified by 92 % of the subjects. It can be explained by a certain acoustic simi-

larity between the mong. *шур-шар* and its equivalent in Russian *шурк-шурк*, that denote the sound of rustle. But there is no obvious acoustic correlation between mong. *товор-товор* and rus. *цок-цок* whereas the Mongolian item is identified by 40 % of Russian subjects (*Figura 1*).

Similarity of the words' acoustic features in both languages often causes wrong identification of the stimuli: mong. *шур-шур* (rus. *звяк*) was defined as rus. *шур-шур*, *шорк-шорк* by 88 % of subjects. The same thing happened to mong. *шон-шон* (рус. *чмок*) that was wrongly defined due to their acoustic similarity as рус. *шлеп* by 70 % of Russian speakers involved.

It is necessary to stress, that the index of phonosemantic quality in most cases appears to be either high (64–92 %) or low (0–14 %), but not in the middle. Thus it is possible to conclude, that each Mongolian onomatopoeic word either has high iconic features or does not have them at all.

In the course of the experiment the participants showed a significant ability to get the meaning of a foreign word through its acoustic value. This effect is to be expected, since the highest degree of coincidence between the verbal item and its meaning can be observed in *iconic* signs that include onomatopoeic words [10].

There was also a series of experiments involving onomatopoeic words of the English Language perceived by Russian and Mongolian users who do not have any command of English. The analysis of the data showed that there is a significant interaction between the sound and the meaning within onomatopoeic words. Thus, Russian speakers recognized 36 % of the English onomatopoeic words offered to them during the experiment, and the Mongolian speakers have the result of 32 %. According to all of the experiments the average level of foreign onomatopoeic word recognition is 31–38 % (*Figure 2*).

Figure 2.

General data of the experiments

<i>Material (onomatopoeic words)</i>	<i>Speakers</i>	<i>Recognition (%)</i>
English	Russian	36
English	Mongolian	32
English	Altaiian	32
Altaiian	Russian	38
Mongolian	Russian	32
Mongolian	Altaiian	31

Discussion

A comparison of the results and a careful consideration strongly supports the idea that foreign onomatopoeic words are recognized due to the following factors:

1) Outer phonetic similarity between onomatopoeic words in different languages (even belonging to different language branches). We define this phenomenon as *universal language iconism*;

2) Preservation of natural sounds qualities in onomatopoeic words in different languages in spite of the difference in phonetic means applied to form the particular words. This phenomenon is defined as *inner language iconism*.

It can be concluded from our studies and the previous examinations that language speakers take acoustic cues from the foreign word form and respond to them while deducing the meaning of the items.

A deeper understanding of how “inner” and “outer” iconic qualities interact in this phenomenon or what specific features they have in different languages, is an issue for further study. A number of authors suggest that sound-meaning correspondences are borne in cognitive structures that may differ according to the language. All the existing languages are created in the human brain, although it does not mean that they were formed within the same cognitive mechanisms or in the same area of the brain [1].

Many open questions remain about the phenomenon of iconism regarding its correspondence with other sensory and cognitive phenomena such as synaesthesia [3] and analogical reasoning or metaphor interpretation [8]. The further results may provide a greater understanding regarding the relationship between verbal items and meaning, can illuminate the range of factors that are important in naming biases.

Bibliography

1. Дурст-Андерсен В. П. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 30–42.
2. Brown R. Psycholinguistics. – First Free Press Paperback Edition, 1972. – 392 p.
3. Cuskley C. Simner J., Kirby S. Influences in the bouba-kiki effect, 2015
4. Imai M. Kita S., Nagumo M., Okada H. Sound symbolism facilitates early verb learning // Cognition. – 2008. – № 109. – p. 54–65.
5. Irwin F. Newland E. A genetic study of the naming of visual figures / F. Irwin // Journal of psychology. – 1940. – № 9. – P. 3–16.
6. Jespersen O. Monosyllabism in English. – Proc. Brit. Acad. Sci., 1928. – vol. 14. – Pp. 314–368.
7. Magnus M. The Meaning of Phonetic Features. – URL: www.trismegistos.com/MagicalLetterPage.html Monday, 12 May 2008 10:40:21
8. Marks L. E. On perceptual metaphors // Metaphor and Symbol. – № 11 (1). – P. 39–66.
9. Newman S. S. Further experiments in phon. symb. // Amer. J. Psychol., 1933. – 45 p.
10. Pierce C. S. Elements of logic // Collected papers of Charles Sanders Peirce. – V. 2. Cambridge, M. A., 1960.
11. Reeve C.D.C. Translation of Plato’s Cratylus (HPC Classic Series) // Cambridge, MA: Hackett Publishing. – 1998. – 320 p.
12. Sapir E. A study in phonetic symbolism // J. Experm. Psychol., – vol. 12, – № 3, 1929.
13. Werner H., Kaplan B. Symbol Formation. – New York, 1963. – 530 p.

Bibliography

1. Durst-Andersen V. P. Mental'naja grammatika i lingvisticheskie supertipy // Voprosy jazykoznanija. – 1995. – № 6. – S. 30–42.
2. Brown R. Psycholinguistics. – First Free Press Paperback Edition, 1972. – 392 p.
3. Cuskley C. Simner J., Kirby S. Influences in the bouba-kiki effect, 2015.
4. Imai M. Kita S., Nagumo M., Okada H. Sound symbolism facilitates early verb learning // Cognition. – 2008. – № 109. – p. 54–65.
5. Irwin F. Newland E. A genetic study of the naming of visual figures / F. Irwin // Journal of psychology. – 1940. – № 9. – P. 3–16.
6. Jespersen O. Monosyllabism in English. – Proc. Brit. Acad. Sci., 1928. – vol. 14. – Pp. 314–368.
7. Magnus M. The Meaning of Phonetic Features. – URL: www.trismegistos.com/MagicalLetterPage.html Monday, 12 May 2008 10:40:21
8. Marks L. E. On perceptual metaphors // Metaphor and Symbol. – № 11 (1). – P. 39–66.
9. Newman S. S. Further experiments in phon. symb. // Amer. J. Psychol., 1933. – 45 p.
10. Pierce C. S. Elements of logic // Collected papers of Charles Sanders Peirce. – V. 2. Cambridge, M. A., 1960.
11. Reeve C.D.C. Translation of Plato’s Cratylus (HPC Classic Series) // Cambridge, MA: Hackett Publishing. – 1998. – 320 p.
12. Sapir E. A study in phonetic symbolism // J. Experm. Psychol., – vol. 12, – № 3, 1929.
13. Werner H., Kaplan B. Symbol Formation. – New York, 1963. – 530 p.

© Pankina E. V., Ulianova N. N., 2016

**ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

С. А. Турбекова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Казахский национальный исследовательский
университет им. К. И. Сатпаева,*

Н. С. Саньярова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Алматинский университет энергетики и связи,
г. Алматы, Казахстан*

**EQUIVALENCE OF EMOTIONAL AND EVALUATIVE PHRASES WITH THE
VALUE OF THE PERSON IN THE TRANSLATION OF A LITERARY TEXT**

S. A. Turbekova

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Kazakh National Research University named
after K. I. Satpayev,*

N. S. Sanyarova

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
Almaty University of Energy and Communications,
Almaty, Kazakhstan*

Abstract. The article deals with one of the types of formal correlation of emotional-evaluative nouns meaning person in translation of literary texts. It is noted that the morphological and syntactic positions of personal names are involved in formal recoding. This type of equivalence is manifested in the analyzed material in translating collocations whose components are connected by means of coordination and regulation. The authors note that the model with definition connection is applied in direct and figurative meanings in the role of appeal, as well as being included in "the context of person", whereas the model with regulation connection is less productive.

Keywords: literary translation; inter lingual communication; emotional and evaluative meaning.

В соответствии с традиционным пониманием перевод: 1) является межъязыковым: одну моделирующую систему заменяет другая; 2) не зависит от отношений между языковыми системами, которые влияют на перевод, но не являются его специфическим признаком; 3) создает некоторую асимметрию в отношениях между двумя текстами [1, с. 39].

Данное определение перевода затрагивает динамический аспект перевода: участие в нем двух языков, которые независимо от их типологических характеристик, т.е. от степени сходства и различия, могут передать своими средствами идентичное мыслительное содержание несущее информацию о реальном или воображаемом мире.

Этот процесс протекает как двойная коммуникация. В первом

коммуникативном акте средством общения является первый язык (Я1), а участниками – автор текста оригинала (Т1) и переводчик, выступающий в роли получателя. Во втором коммуникативном акте средством общения является второй язык (Я2), а участниками – переводчик, выступающий теперь в роли отправителя (Т2), и адресат (слушатель, читатель).

Возникают две предметные ситуации, соответствующие содержанию Т1 и Т2, так как одним из факторов, влияющих на тексты, является этнокультурный, кроме факторов языковых, в виде системы языка, его норм, норм перевода. В случае перевода художественного текста важным фактором становится и литературная традиция. В художественном переводе, в том числе и поэтическом, характерно действие эквивалентности, которая

никогда не является полной, в связи с тем, что переводной текст бикультурен.

Эквивалентность текстов создается в первую очередь эквивалентностью его элементов. Языковые значения – переменная величина, в связи с чем в изучении семантики русского языка все более утверждается интегральная теория описания языка Ю. Д. Апресяна, в соответствии с которой семантика слова исследуется внутри семантики предложения как часть значения предложения [2; 7], можно продолжить как часть семантики текста. Возникновение такого подхода не случайно, так как словарные дефиниции не отражают в полной мере реальных значений, которыми оперируют носители языка в процессе речевой деятельности. Содержание текста, предложения складывается как из постоянных, инвариантных компонентов значений составляющих их языковых элементов, так и из смысловых добавок. Смысловые добавки у говорящего рождаются той информацией, которую он хочет передать, а у адресата они представляют интерпретацию принимаемых им языковых знаков.

Позиция человека в мире отпечатывается в языке на всех уровнях, во многих его элементах. Среди них наиболее явные следы неотрывности языка от человека, названные Н. Ю. Карауловым «языковой личностью», несет лексика, а в ней группа слов со значением лица. В лексике категорию лица представляют лексемы, в значениях которых содержится компонент «человек». При этом значение лица может конкретизироваться, отражая общественно-социальные, возрастные, административно-территориальные, профессиональные, родственные, половые и другие группировки людей. Личные имена представляют ядро выделяемой лингвистами категории лица. Значение лица может выражаться лексическими, словообразовательными, морфологическими и синтаксическими единицами, подтверждая асимметрию плана выражения и плана содержания языка. Данное проявление асимметрического дуализма заключается в известной способности одного содержа-

ния выразиться неодинаковыми средствами не только в разных языках, но и в одном языке.

Перевод художественного текста, элементами которого выступают эмоционально-оценочные личные имена, осуществляется путем достижения функциональной и «элементной» эквивалентности. Последняя имеет два основных типа, представленных формальной и семантической соотносительностью. В формальном перекодировании личных имен участвуют их морфологическое оформление и синтаксические позиции. При этом в переводе преобладают личные имена, сохраняющие не только частеречную принадлежность, но и синтаксические признаки. Как правило, они в связи с эмоционально-оценочной окраской и соответствующей прагматической направленностью, выполняют две основные функции: выступают в роли квалифицирующих членов предложения (сказуемых, определений-приложений); являются обращениями.

В гомогенные соотносительные пары наименований лица вступают и словосочетания. Такая эквивалентность диктуется языком подлинника и демонстрирует наличие несловного способа выражения значения лица в обоих языках. Данный вид эквивалентности проявляется в проанализированном нами материале [3; 4] при переводе словосочетаний, компоненты которых соединены способом согласования и управления.

Наиболее компактное значение, приближенное к личному значению слова, свойственно словосочетаниям со словом «человек», имеющим наиболее абстрактную семантику. Например:

1. Вы – негодяй, – сказала она, я никогда не знала, что вы такой омерзительный человек [3, с. 73].

Сіз азғынсыз, – деді ол, – сізді мұндай жиренішті адам деп еш уақытта ойлаған жоқ едім [4, с. 97].

Возможны словосочетания с другими общими наименованиями лица:

2 ... но не плохая девушка ... [3, с. 32].

... жаман қыз емес ... [4, с. 41].

К таким словосочетаниям по степени синтезированности компонентов личного значения близки устойчивые сочетания. Образность семантики подобных расчлененных наименований сильнее, если все их элементы имеют переносные значения, меньше, если только часть элементов используются в переносном значении.

3. Отец – с хитрейшим глазком – одна нога в деревне, другая на заводе. Замечательный тип! [3, с. 226].

Әкесі өте бір қуақы адам – бір аяғы деревняда, бір аяғы заводтаболатын. Өте тамаша кісі! [4, с. 15–16].

В этом примере в Я1 одно личное значение, выраженное определительным словосочетанием (замечательный тип) и признаковое значение, также имеющее синтаксическую форму и обозначающее качество лица (с хитрейшим глазком). В Я2 обоим значениям соответствуют личные значения (куақы адам, тамаша кісі). Если второе личное значение в Я2 восходит к соответствующему значению Я1, то первое возникает за счет операции добавления к значению признака семы его «носителя».

4. ... лев оказался трусливой собакой, наряженной в львиную шкуру ... [3, с. 442].

... арыстан терісін жамылған қорқақ күшік болып шықты ... [4, с. 328].

5 ... мужики, видевшие, что они только бессловесный скот, – мясо в этой бойне, затеянной господами [3, с. 99].

...мырзалар бастаған осы қырғында өздерінің тілсіз мал екенін көрген ... [4, с. 131].

6. Самый враг, лиса двухчаловая! [3, с. 433].

Нағыз жау, бұлан-құйрық түлкі [4, с. 315].

7. Или вы надеетесь, что он все-таки проснется и заговорит, как валаамова ослица? [3, с. 8].

Болмаса, сендер ол ұйқысынан оянып валаамның есегіндей сөйлеп қоя бере дейсіндер ме? ... [4, с. 13].

Устойчивые сочетания несут яркие метафорические образы, связанные с животным миром и маркирующие

интенсивность оценочной коннотации: Наряду с наименованиями животных такие словосочетания могут включать и предметные существительные:

8. С крыш соскакивали серые шинели, шелкая затворами винтовок ... [3, с. 221].

Вагон төбелерінен сұр шинельдер қарғып түсіп, винтовка затворларын сартылдатып ... [3, с. 8].

Определительное словосочетание может строиться по моделям форм обращения. Например:

9... уважаемая юрист-девица Булавина [3, с. 84].

... құрметті заңшы қыз Булавина [4, с. 111].

Определительные словосочетания активны в качестве бранных выражений:

10. Пишешь, сукин сын [3, с. 64].

Жазып жатырсың ба, иттің баласы [4, с. 84].

11. Ах, баба проклятая [3, с. 69].

Алда құдай атқан қатын-ай [4, с. 92].

12. Черти сытые! Помещики [3, с. 65].

Семіз сайтандар, помещиктер [4, с. 86].

Рассмотренные определительные выражения по синтаксическому употреблению сходны с личными именами и выступают как в роли членов предложения, выступая в прямых и переносных значениях, так и в роли обращений, а также включаясь в «контекст лица».

Несколькословные наименования лица строятся и по модели управления, которая менее продуктивна, чем модель согласования. Например:

13 ... столп анархии ... [3, с. 341].

... анархияның тірегі [4, с. 183].

14. Рыцари духа ... [3, с. 358].

Рух серілері ... [4, с. 207].

15. Даша возмутилась, позвала его в лес, и там, не дав ему сказать в оправдание ни одного слова, наговорила, что она не позволит смотреть на себя, как на какую-то «самку», что она возмущена, считает его личностью с развращенным воображением и сегодня пожалуется зятю [3, с. 14].

Даша ашуланып, ... мен өзіме «ұрғашы» деп қарағанды көтере алмаймын, сенің қылығыңа қатты ашуландым, сені ойы бұзылған адам деп білемін, дәл бүгін жездеме айтамын, деп қатты сөкті [4, с. 16].

Сочетания текста оригинала и текста перевода сложные, построены при участии разных способов подчинительной связи. Слово «личность» и его перевод «адам» вследствие лексической опустошенности требует распространения, которое осуществлено при помощи словосочетания.

В орбиту формальной соотносительности, подготавливающей семантическую эквивалентность, втягивается «контекст лица», имеющий особые условия формирования в обоих языках. Эти условия диктуются различными целями «контекстов лица». Дополнительная функция таких контекстов в обоих языках тождественна – это эксплицировать эмоционально-оценочное значение.

Библиографический список

1. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / отв. ред. В. Н. Янцева. – М.: Наука, 1988.
2. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова. – М. : Языки русской культуры, 1996.
3. Толстой А. Хождение по мукам. Трилогия. – Минск : Мастаца літаратура, 1975.
4. Толстой А. Азапты сапарда. Трилогия. – Алматы: Қазақтың мемлекеттік көркем әдебиет баспасы, 1953.

Bibliograficheskiy spisok

1. Shvejcer A. D. Teorija perevoda: status, problemy, aspekty / otv. red. V. N. Jarceva. – М.: Nauka, 1988.
2. Shatunovskij I. B. Semantika predlozhenija i nereferentnye slova. – М. : Jazyki russkoj kul'tury, 1996.
3. Tolstoj A. Hozhdenie po mukam. Trilogija. – Minsk : Mastacka litaratura, 1975.
4. Tolstoj A. Azapty saparda. Trilogija. – Almaty: Kazaktyn memlekettik kerkem edebiet baspasy, 1953.

© Турбекова С. А., Саньярова Н. С., 2016

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И ГРУЗИНСКИХ ПАРЕМИЙ С ЗООНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

М. Г. Церцвадзе

*Доктор филологии, доцент,
Государственный университет
имени А. Церетели,
г. Кутаиси, Грузия*

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND GEORGIAN PROVERBS WITH AN ANIMALISTIC COMPONENT

M. G. Tsertsvadze

*PhD in Philology, assistant professor,
State University named after A. Tsereteli,
Kutaisi, Georgia*

Abstract. The article deals with the comparative analysis of Russian and Georgian proverbs with an animalistic component. The authors present the results of a comparative analysis of semantic and structural correlation of zoomorphic components in proverbs of the Russian and English languages. The study revealed similarities in the structure and the semantics of the data paremiological units, indicate the presence of common traits and manners of behavior and the Russians and Georgians, as well as images and concepts which are universal for both countries. Differences also testify to the uniqueness and national characteristics of each of the cultures.

Keywords: paremiological units; zoonyms; zoomorphic component; zoomorphism; Russian and English languages; similarities and differences

В лингвистической литературе зоонимы (названия животных) известны как «анимализмы», «зоонимы-метафоры», «зоометафоры», «зоолексемы», «зооморфизмы», «компаративные фразеологизмы с анималистическим компонентом», «фразеологизмы с зоонимным компонентом», «компаративные фразеологизмы с компонентом-зоонимом» и т. п. Зооморфизм представляет собой такое явление, при котором происходит наделение человека чертами определенного животного. Обычно зоонимами (зооморфизмами) называют представление божества в облике животного или с его признаками (головой, лапами, крыльями и т. п.), но в языковой сфере зооним это уподобление животному, наделение качествами, присущими животным, применительно к характеристике человека. Зоонимы, как и вся оценочная лексика любого языка, способствуют выражению чувств, реакций, эмоциональной жизни человека. Проблемой функционирования зооморфизмов в системе языка

занимались такие ученые, как Миронюк Л. Ф., Гутман Е. А. [2; 3] и другие.

Актуальность темы исследования обусловлена привлечением к сопоставительному анализу паремиологических единиц двух неродственных языков, каковыми являются русский и грузинский, с учётом современных подходов к исследованию смысловой и структурной соотносительности.

Цель нашей работы состоит в анализе и сопоставлении пословиц с зоонимическим компонентом в русском и грузинском языках, выявление основных межязыковых сходств и различий в данных паремиологических единицах.

Вопрос о смысловой и структурной соотносительности русских и грузинских пословиц, содержащих зоонимический компонент, рассмотрен на примере 130 пословиц, отобранных методом сплошной выборки из сборника Н. Куправа «Русские пословицы и поговорки и их грузинские и немецкие эквиваленты» и сборника Церетели и сборника П. Церетели «Грузинско-русские и русско-грузинские пословицы».

В исследовании использованы в такие методы, как описательный, структурный, сопоставительный, метод сплошной выборки и статистический метод обработки данных.

Зоонимический компонент в пословице не является случайным. Он выбирается из числа тех животных, которые хорошо знакомы представителям определенной языковой общности, и связан с определенными этническими стереотипами – относительно устойчивыми представлениями о моральных, умственных, физических качествах, присущих тому или иному народу.

В исследуемых русских и грузинских паремиях было выявлено большое разнообразие зоонимических компонентов, которые в свою очередь можно разделить на несколько групп:

1. Зоонимические компоненты, представленные названиями домашних животных: *осел, козел, овца и баран, ягненок, лошадь и конь, корова и бык, собака, кот*. Например: *Чёрная корова, да белое молоко*. – *ძროხა შავია, მავრამ თეთრ რძეს იწველობს* (Корова чёрная корова, а молоко даёт белое) [2, с. 138].

2. Зоонимические компоненты, представленные названиями диких животных: *волк, лиса, медведь, заяц, слон, лев, мышь, лев, верблюд*. Например: *Волк и всякий год линяет, а нрава не меняет*. – *მგელს წამ მზოდო ტყავი ვადნის, მინც მგელი ანობს* (Хоть семь икур с волка спусти, а он все волком останется) [2, с. 12].

3. Зоонимические компоненты, представленные названиями птиц: *курица, петух; соловей, сокол, жаворонок, ворона, журавль, ласточка, орел, сорока, воробей, кукушка, лебедь, коршун*. Например: *Одна ласточка весны не делает*. – *ერთი მერვბლის ჭიჭიკი ვაზავხულებ ვერ მოყვას* (Песня одной ласточки не делает весну) [2, с. 92].

4. Зоонимические компоненты, представленные названиями насекомых: *муха, шмель, пчела, таракан, блоха, бабочка*. Например: *Будь лишь мёд, мух много нальнёт*. – *თავლი იყოს, თორემ ბუზი*

ბაღდადიდან მოვა (Был бы мёд, а муха из Багдада прилетит) [2, с. 10].

5. Зоонимические компоненты, представленные названиями рыб: *щука, карась, сельдь*. Например: *Стали щуке грозить, хотя и щуку в озере утопить*. – *თრავული წყალში გადაავდებს* (Щуку бросили в воду) [2].

Некоторые зооморфизмы используются довольно часто как в русских, так и в грузинских пословицах. Так, в исследуемых языках наиболее часто в качестве зооморфического компонента используются названия таких домашних и диких животных, как собака (28 грузинских и 29 русских пословиц), кот (7 и 23), лошадь или конь (15 и 30), осёл (17 и 10); волк (20 и 30), лиса (13 и 9), медведь (12 и 46).

Названия птиц, рыб и насекомых встречались в рассматриваемых пословицах достаточно редко: курица или петух (6 и 12), ворона (4 и 3), ястреб (2 и 2), воробей (1 и 1), гриф (2 и 1), орёл (1 и 3), ласточка (1 и 2), змея (2 и 1), муравей (2 и 1), пчела (1 и 2), комар (2 и 2), блоха (2 и 1).

При анализе семантической структуры русских и грузинских пословиц с зооморфическим компонентом нами были выделены 3 группы пословиц:

1. Единицы с одинаковой структурой, универсальным смыслом и одинаковыми зооморфическими компонентами в обоих языках: *Рыба гниет с головы*. – *თევზი თავიდან აურთოდება* (Рыба с воняет с головы) [2, с. 112].

2. Синонимичные единицы, которые можно разделить на две группы: 1) *пословицы с одинаковой структурой и смыслом, но с разными зооморфическими компонентами: С медведем дружись, а за топор держись*. – *მგელს დაუმეგობრდო და ჯობს ხელიდან ნუ ვავდებ* (С собакой дружи, а палку держи) [2, с. 119]; 2) *пословицы с разной структурой и зооморфическими компонентами, но с одинаковым смыслом: Чёрного кобеля не вымоешь добела*. – *არ ვათეთრდების ყორანი, რაც უნდა ხეხი ქვიშათა* (Ворона белой не будет, сколько ее ни три песком) [2, с. 139].

К третьей группе относятся случаи, когда грузинскому зоониму в русском или, наоборот, русскому зоониму в грузинском вообще нет зоонимического соответствия, а смысловая аналогия достигается использованием иных содержательных компонентов: *ძაღლის კუდი მზიდი წელიწადი კალაპოტში იდვა, გამოიღეს და ისევ გაიბრუნდა* (Собачий хвост семь лет в колодке лежал, но прямым не стал). – *Горбатого могила исправит* [1, с. 98]; *ასი წლის დედაღს ერთი წლის მამალი სჯობიაო* (Молодой петух лучше столетней курицы) – *Поколе молод, потоле и дорог* [1, с. 16]; *სდაიყა თოლიც თოლიც, ა ვოლიც თოლიც* (только овцой, а волки готовы. – *ვინც ზურგს მიუშვერ, ყველა დიდ ქვას დაგადებსო* (Кому спину ни подставишь, каждый на тебя камень взвалит) [1, с. 25].

Кроме того, было установлено, что зооморфизмы выполняют в пословицах различные функции и характеризуют людей с разных сторон. С одной стороны, они могут выражать совет, пожелание, а с другой – давать оценку поведению, поступкам человека и чертам его характера. В первую группу относятся, например, следующие пословицы: *ს მედვედო დრუჯის, ა ზა თოპო დერჯის*. – *ძაღლს დაუმეგობრდი და ჯოხს ხელიდან ნუ გაავდებ* (С собакой дружи, а палку держи) [2, с. 119]; *კ სობაკე სზადი პოდხოდი, კ ლოჰადი – სპერედი*. – *თხოს წინიდან გემბოდე, ცხენისა უკნიდანო* (Козла обходи сзади, коня спереди) [2, с. 57].

Пословицы, входящие во вторую группу, как правило, имеют отрицательную коннотацию. Они высмеивают такие пороки человека, как, *ჟადნოხი*: *კაკ სობაკა ნა სენე; სამა ნე ესთ ი დრუგიმ ნე დათ*. – *ავი ძაღლი არც თვითონ არ ჭამს არც სხვას აჭმევსო* (Злая собака и сама не ест и других не накормит) [2, с. 67]; *უპრამხო*: *უპრამ, კაკ ოსელ; უპრამ, კაკ ბიკიო- ვინოვოთ ჯოუტი* (Упрям, как осел); *ჯორვოთ ჯოუტი* (Упрям, как бык) [2, с. 135]; *პრუსოხი*: *პუგანა*

ვორონა კუსთა ბოიტსა. – *დამინებულმა ძაღლმა ცხრა წელიწადი ხეს უყევა* (Напуганная собака девять лет на дерево лает) [2, с. 109]; *კროხოხი*: *ი უკურიცი სერციე ესთ*. – *ჭიას რომ ვებს დაადგამენ, ისიც ხმას ამოიღებსო* (Даже червяк на дыбы встанет) [2, с. 48]; *ვრამდებნოხი*: *დვა მემდევა ვ ოდიო ბერლოგე ნე უჯივუნტსა*. – *ორი უოხოს თავი ერთ ქვამში არ მოიხარშება* (Двух бараньих голов в одном котле не сварить) [2, с. 26]; *ბოლლიხოხი*: *სვინია სკაჟეტ ბოროვუ, ა ბოროვ ვსემუ გოროდუ*. – *ორმა თუ ოვოს, ღორმაც ოვოს* (Если двое знают, знает и свинья) [2, с. 114]; *ხვასოხოხი*: *ვსაკია ლისა სვოი ხვოსთ ხვალისთ*. – *მელას თავისი კუდი მოსწონსო* (Каждая лиса своим хвостом гордится) [2, с. 17]; *ნებლაგოდარნოხი*: *ვირს სჭედენ და წიხლს ისროლდაო* (Осла подковывали, а он лягался.) – *ია კ ნემუ ს დობრომ, ა ონ კო მნე ს დერьмом* [1, с. 24] и многие другие.

Таким образом, для русского и грузинского языков характерна богатая система пословиц, содержащих зооморфический компонент. Выявленные в ходе исследования сходства в структуре и семантике данных паремиологических единиц свидетельствуют о наличии общих черт характера и манер поведения и русских и грузин, а также образов и понятий, являющихся универсальными для обеих стран. Различия же свидетельствуют об уникальности и национальных особенностях каждой из культур.

Библиографический список

1. Грузинско-русские и русско-грузинские пословицы / под ред. П. Церетели. – Тбилиси, 1976. – 200 с.
2. Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977. – С. 40–54.
3. Миронюк Л. Ф. Семантическая типология славянских зооморфических глаголов. – Днепропетровск, 1987. – 80 с.
4. Русские пословицы и поговорки и их грузинские и немецкие эквиваленты / сост. В. Куправа. – Тбилиси, 1984. – 148 с.

Bibliografickij spisok

1. Gruzinsko-russkie i russko-gruzinskie poslovice / pod red. P. Cereteli. – Tbilisi, 1976. – 200 s.
2. Gutman E. A., Litvin F. A., Cheremisina M. I. Sopostavitel'nyj analiz zoomorfnyh karakteristik // Nacional'no-kul'turnaja specifika rechevogo povedenija. – M., 1977. – S. 40–54.
3. Mironjuk L. F. Semanticheskaja tipologija slavjanskih zoomorficheskikh glagolov. – Dnepropetrovsk, 1987. – 80 s.
4. Russkie poslovice i pogovorki i ih gruzinskie i nemeckie jekvivalenty / sost. V. Kuprava. – Tbilisi, 1984. – 148 s.

© Церцвадзе М. Г., 2016

ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА ЧЕРЕЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Е. В. Чубарова

*Ассистент,
Российский экономический университет
им. Г. В. Плеханова, филиал,
г. Тула, Россия*

UNDERSTANDING OF SOCIO-CULTURAL INTERACTIONS OF MAN AND SOCIETY THROUGH THE LINGUISTIC ANALYSIS OF POLITICAL TEXTS

E. V. Chubarova

*Assistant,
Russian University of Economics
named after G. V. Plekhanov, branch,
Tula, Russia*

Abstract. Cognitive-discursive approach combines interest of cognitive science to production and understanding of speech and interest of discourse analysis to context, situation of communication. Cognitive approach allows proceeding from description of units and structures of discourse to modeling of structures of the communication participants' consciousness. Modeling of discourse cognitive bases is implemented through analysis of discourse frames and concepts. Cognitive-discursive approach is applied in creation of linguistic support of text semantic compression algorithmic model.

Keywords: cognitive analysis; discourse analysis; text; context; discourse.

Одним из способов осмысления социокультурных и психологических разрезов взаимодействия человека и общества может являться анализ политических текстов, которые отражают модель взаимоотношений между политиком, как представителем общества и отдельным гражданином.

Особенностью политического текста является стремление воздействовать на политическую ситуацию, эмоционально воздействовать на граждан и побудить их к политическим действиям.

Для анализа политического текста может быть использован когнитивно-дискурсивный подход, который сочетает в себе интерес когнитивистики к производству и пониманию речи и интерес анализа дискурса к контексту, ситуации общения.

Эмиль Бенвенист был первым, кто обозначил дискурс в качестве речи, присвоенной говорящим. Он противопоставил дискурс объективному повествованию [1]. З. З. Харрис впервые ввел термин «анализ дискурса». С середины 50-х гг. XX в. тер-

мин ассоциировался с немецким термином Textlinguistik (лингвистика текста). Анализ дискурса и лингвистика образуют близкие, а иногда и отождествляемые области лингвистики. Но в начале 80-х гг. прошлого века наметилась тенденция их разделения, в связи с постепенной дифференциацией понятий текст и дискурс.

Под текстом понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, а под дискурсом – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов в связи с экстралингвистическими факторами.

Основателем дискурсивного анализа принято считать голландского лингвиста Т. А. ван Дейка. Согласно взглядам Т. А. ван Дейка, дискурсивный анализ включает в себя два аспекта: текстуальный и контекстуальный. К текстуальному анализу дискурса относятся различные языковые структуры на всех уровнях, начиная от фонетического, заканчивая макроструктурным. К контекстуальному анализу дискурса относят рассмотрение

всех экстралингвистических факторов: времени, места, сферы деятельности, участников дискурса, их социальных ролей, характера их взаимоотношений и когнитивных характеристик участников [4].

Когнитивный анализ дискурса реализуется в лингвистике не только на этих двух уровнях и является посредником в исследовании языковых структур и экстралингвистических факторов.

Возвращаясь к определению дискурса, отметим, что это сложное коммуникативное явление, включающее текст и сознание говорящего и слушающего. Когда мы анализируем текст, то мы анализируем его формальную структуру; когда мы анализируем дискурс, мы анализируем «сознания», которые стоят за текстом. В таком случае мы можем говорить, что дискурс – это совокупность высказываний, за которыми стоит единое сознание и единая социальная позиция.

Последнее время актуальным становится рассмотрение отдельных жанров политического дискурса, которые являются преимущественно новыми, формирующимися дискурсивными типами президентского дискурса. Например, послание Федеральному собранию, торжественная речь при вступлении в должность президента, прощальная речь президента, блог президента, а также тексты важного идеологического содержания, такие как программа политической партии.

Пристальное внимание к речи президента обусловлено возрастанием роли публичного общения. Именно глава государства становится той языковой личностью, на которую идет ориентация среди участников политического процесса, тем самым оказывая влияние на развитие политического дискурса.

Предметом исследования являются макроструктура (композиционно-речевая форма и тематическая структура) и микроструктура (речевые феномены лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического уровней) организации политического дискурса.

Исследования находятся в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы линг-

вистического знания. Дискурсивный анализ предполагает описание обстоятельств осуществления речевого взаимодействия, поскольку контекстуальное окружение влияет на выбор лингвистических средств. Считается, что анализ дискурса – перспективный инструмент изучения социальных проблем, которые отражены в процессах коммуникации и социального взаимодействия. Именно из этих процессов складываются макросоциологические модели, характеризующие конкретные общества [3].

Когнитивный подход обладает рядом преимуществ. Он обеспечивает взаимосвязь между формой речевого произведения, интерпретацией речи, семантическим выводом с определением коммуникативных устремлений и прагматических целей автора, определяя тем самым ее зависимость от языковой компетенции автора и его внеязыковых знаний.

Для более детального изучения политического дискурса требуется междисциплинарный подход. Значение дискурса определяется взаимодействием речевых структур и контекста, в котором они употребляются. Поэтому дискурсивный анализ должен зафиксировать обстоятельства, в которых происходит коммуникативное событие, и определить их значимость со структурой текста. Контекст определяется как ментально представленная структура тех особенностей социальной ситуации, которая уместна для производства или понимания дискурса.

Так, когнитивно-дискурсивный анализ инаугурационной речи подразумевает исследование контекста коммуникативного события, раскрытие понятия «президент», пространственно-временной структуры, репрезентации политических ценностей, концептуальной структуры инаугурационной речи, дискурсивной артикуляции идеологических взглядов политика риторических приемов, лексико-синтаксических особенностей употребления ключевых концептов русского политического дискурса.

Когнитивно-дискурсивный анализ послания Федеральному собранию предполагает изучение семантических особенно-

стей дискурсивного пространства послания, контекстных условий организации коммуникативного события, определение глобальной структуры дискурса, выявление словообразовательных и синтаксических особенностей дискурсивного пространства, основных аргументативных стратегий, речевых средств установления и поддержания контакта с аудиторией, риторических приемов, дискурсивной артикуляции идеологических взглядов политика [2].

В связи с возросшим интересом к изучению профессиональной политической речи, общения власти и народа, необходимо разработать принципы описания политического текста с лингвистической точки зрения.

Президентская риторика оказывает большое влияние на формирование дискурсивного поля политики. Помимо этого, политический дискурс интересен в качестве отражения ментального мира современного общества.

Перспектива применения дискурсивного анализа для изучения политического дискурса обусловлена тем, что он позволяет выявить общественные нормы и политические ценности, на основе которых

возможны последующие общественные договоренности, оценки и решения.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. О. Субъективности в языке // *Общая лингвистика*. М., 1974. – С. 292–300.
2. Гаврилова М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина): монография. – СПб. : СПбГУ, 2004. – 295 с.
3. Герасимов В. И., Ильин М. В. Политический дискурс-анализ // *Политический дискурс: история и современные исследования* : сб. науч. тр. – М., 2002. – С. 65.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ.; сост. В. В. Петрова. – М., 1989. – С. 99.

Bibliograficheski j spisok

1. Benvenist Je. O. Sub#ektivnosti v jazyke // *Obshhaja lingvistika*. M., 1974. – S. 292–300.
2. Gavrilova M. V. Kognitivnye i ritoricheskie osnovy prezidentskoj rechi (na materiale vystuplenij V. V. Putina i B. N. El'cina): monografija. – SPb. : SPbGU, 2004. – 295 s.
3. Gerasimov V. I., Il'in M. V. Politicheskij diskurs-analiz // *Politicheskij diskurs: istorija i sovremennye issledovanija* : sb. nauch. tr. – M., 2002. – S. 65.
4. Dejk T. A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija / per. s angl.; sost. V. V. Petrova. – M., 1989. – S. 99.

© Чубарова Е. В., 2016

УДК 82-1

ОБРАЗ ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ, ГЕРОИНИ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

И. А. Балашова

*Доктор филологических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

THE IMAGE OF TATIANA LARINA, THE HEROINE OF THE A. S. PUSHKIN'S NOVEL "EUGENE ONEGIN"

I. A. Balashova

*Doctor of Philological Sciences, assistant professor,
South Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The report conceptualized the image of Tatyana Larina, which was the epitome of artistic feelings of love as the main content of the heroine's personality and as the basis of the type of Russian noblewoman with her special mission in personal and social life. Biographical, comparative-historical, cultural and poetologicheskyy analysis of the image of the heroine of the novel Pushkin allowed to conclude tuned balance of the real and the ideal in her appearance, which is based largely on the sincerity and the completeness of the personal feelings of the author.

Keywords: soul of a poet; prototype; civic role; ideal.

Есть вопросы, которые не предполагают быстрых ответов. Вот, например, спросим, как мог возникнуть в сознании молодого человека, даже и поэта, облик девушки, которая в своем образном совершенстве и в своей содержательности на столетия стала абсолютным образцом художественного изображения юной влюбленной и поведения той, которая влюблена, проявления ею чувств, ума, женственности? Лирика Пушкина, созданная им в 1810 – начале 1820-х годов, не дает ответа на этот вопрос.

Не найдем на него ответ и в историях пушкинских общений и увлечений в эти годы. Они не сопровождались созданием в лирике образа дамы сердца, похожей на Татьяну, удваивающую лучшие проявления души поэта. Особому состоянию его души посвящены строки, посланные М. П.

Погодину в письме из Михайловского на исходе лета 1827 года, когда создавалась седьмая глава романа, – как «Отрывок из Онегина»:

Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Каким-то чистым божеством,
Владея чувствами, умом,
Она сияла совершенством.
Пред ней я таял в тишине,
Ее любовь казалась мне
Недосягаемым блаженством [8,
с. 337–338].

В окончательные текст романа эти строки не вошли. И едва ли не единственный опыт ответной любви воплощен в лирических сюжетах стихов «Ночь» и «Простишь ли мне ревнивые мечты...», написанных Пушкиным осенью 1823 года. Со-

зданная к ранней осени 1824-го, времени завершения главы с любовным письмом, личная лирика поэта, по-прежнему, преисполнена сомнений, сожалений, и чувство лирического героя не получает ответа. Характерно воспоминание А. П. Керн, писавшей, что стихи Пушкина 1825 года «К***» («Я помню чудное мгновенье...») выразили «впечатление его встречи со мною». Рассказывая о поездке ночью в Михайловское, Керн вспоминала, как поэт «говорил, что он торжествует, воображая в эту минуту, будто А. Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а он уехал со мною; это был намек на то, как он завидовал при нашей первой встрече Александру Полторацкому, когда тот уехал со мною». А далее она рассказала о случившемся на следующий день, когда среди листков экземпляра второй главы «Онегина» нашла лист со стихами «Я помню чудное мгновенье...». Мемуаристка писала: «Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю» [10, т. 1, с. 380, 385]. А поэт, скорее всего, ожидал понимания неназванного в стихотворении

обращения к своей визави как любимой им и выражения ею чувства по поводу его намека [1, с. 97–98]. Но он не увидел отклика своей любви.

В пушкинской лирике до стихов второй половины 1820-х годов года не создан образ той, которой овладела любовь к лирическому герою. В лиро-эпосе представлен образ Людмилы как девы сказки и исторического предания. Но и она – лишь эскиз героини задуманного вскоре романа. Не развита в этой ранней поэме и традиция В. А. Жуковского, создавшего образ Светланы, тонкий, надышанный поэтом на морозное стекло вблизи только начавшей расцветать на окне русского дворянского особняка романтической баллады. А вот в Татьяне предстают и Людмила, и Светлана с их простотой, безыскусностью речей и поступков, с их принадлежностью одному только миру чувств. Обе героини

вновь воплотились в этом образе, гораздо более выразительном: они в ней живут, мечтают, предаются пламенной страсти, видят сны, гадают о любимом, теряют суженого, тоскуют о нем. И Татьяна вдруг, как будто это метаморфоза всех, кого поэт знал и ими был увлечен, и ее литературных предшественниц, и всех известных ему героинь мифологических и фольклорных, является, как Афродита из пены или как Галатея из куска мрамора. Она оживает художественно, а также социально, этически, даже эмпирически. Современницы поэта гадали о том, кто ее прообраз, считали это необходимым, жаждали назвать по имени ту, кто будет для них жизненным идеалом, воплощением всего лучшего, что есть в каждой из них. Они искали прототип, находили его и вновь искали. Так, Е. Е. Сеницына, старичья знакомая поэта, вспоминала: «Через несколько лет встретила я в Торжке у Львова А. П. Керн, уже пожилою женщиною. Тогда мне и сказали, что это героиня Пушкина – Татьяна.

...и всех выше

И нос, и плечи подымал

Вошедший с нею генерал.

Эти стихи, говорили мне при этом, написаны про ее мужа, Керн, который был пожилой, когда женился на ней. Анна Николаевна Вульф, по моему мнению, не подходит к Татьяне, она была уже зрелая, здоровая такая, когда я ее видела» [10, т. 2, с. 91]. Сеницыной вторил А. Вульф, сын владелицы Тригорского, и тоже предполагал: «...любезные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень, и чуть не Татьяна ли одна из них» [10, т. 1, с. 427].

Каковы же реальные истоки образа Татьяна и чем она пленяет? Что писали о ней современники и критики, которые наслаждались новизной выходящих из печати одна за другой глав романа? Вот первый печатный отзыв о третьей песне в газете «Северная пчела»: глава названа «историей сердца». Письмо Татьяны особенно поразило рецензента: «Сии стихи, можно сказать, *жгут страницы*». В разделе библиографии журнала «Московский

телеграф» за 1827 год читаем: «...душу, сущность третьей главы составляет Татьяна, девушка, одаренная необыкновенно, сильною душою, девушка, у которой “*всю историю составляет любовь*”. Татьяна любит Онегина...» [11, с. 326, 332. Выделено авторами]. Едва узнав о Татьяне и ее любви, критики сразу ощутили значимость ее облика и образа. Более пространны суждения В. Г. Белинского. Он видел в героине «колоссальное исключение», «натуру гениальную», одновременно сказав о ней – это «тип русской женщины». Критику открыто главное в ней: она «существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная», «весь внутренний мир Татьяны заключался в жажде любви...». «Страстно влюбленная, простая деревенская девушка, потом светская дама, Татьяна во всех положениях своей жизни, всегда одна и та же», замечает он, но затем противоречит себе, говоря об ограниченности такой девушки: она не греческая статуя, но египетская. Ум ее проснулся после чтения книг библиотеки Онегина, и ей открылось, что есть мир страданий и скорби, «кроме страданий и скорби любви». Таковую же неполноту найдет Белинский и в отношении общества к письму героини: «Письмо Татьяны свело с ума всех русских читателей, когда появилась третья глава “Онегина”», но прошло время и его строки, пишет он, «отзываются немножко какой-то детскостью, чем-то “романтическим”», их писала «нравственно немотствующая». Так влияли на восприятие искусства социальные идеи. И «редкий, прекрасный цветок, случайно выросший в расщелине дикой скалы» [3, т. 3, с. 552, 554, 555, 546], – исчерпывает ли эта выразительная метафора Белинского образ пушкинской Татьяны? Так ли случайно он вырос и точно ли она – только скромный в своей простоте горный цветок?

Откуда в Татьяне, сельской барышне, а позже великолепной даме высшего светского общества, эта особая внутренняя красота и значительность? Где и в ком увидел ее Пушкин? И что определяет душевность героини, грацию, живописность

ее облика, все возрастающую в романе? Во время раута в Петербурге на Татьяне княгине берет малинового цвета. Набоков-переводчик писал об использованном поэтом выразительном прилагательном: «В этом слове для меня прежде всего важен пурпурный цвет свежего плода...» [7, с. 733]. А в первых главах романа героиня не красива, не румяна, как ее сестра, чаще она под луной, ее красы «бледные». Но «бледный цвет», бледность героини и то, что она «бледна, как тень» становятся иными, когда она влюблена. Они выражают ее эмоции, как и то, что им вторят другие цвета, тоже сопровождающие Татьяну, когда она встречает восход зари, слышит песню девушек о «вишенье, малине, красной смородине», когда в вещем тревожном сне она видит череп в красном колпаке и кровавые языки. Ее «ланины / Мгновенным пламенем покрыты», когда она говорит с няней, ее лицо, «как маков цвет», и «ланины пыланье» видит Онегин, пришедший с отповедью, и «не проходит жар ланит, / Но ярче, ярче лишь горит...». А Татьяна-княгиня владеет собой и, увидев Онегина, она не стала «вдруг бледна, красна» [9, т. 5, с. 66, 149]. Комментируя письмо героини, Набоков заметил, что в этих переходах от покраснения к бледности, видно, что Татьяна читала «Федру» Расина, а тот читал Вергилия и создал стихи о влюбленной, терзаемой то пламенем, то ознобом. Встреча же героини с Онегиным, получившим ее письмо, вызывает в памяти Набокова строки эмблематических метафор XVIII века, а также стихи Петра Вяземского и Томаса Кэмпбелла, которым девичье лицо напоминает алеющие розы и белые лилии. а Кэмпбеллу даже сад с распустившимися розами и лилиями [7, с. 391, 407–408]. Конкретизируя замечание о метафорах-эмблемах, напомним строки И. Богдановича, героиня которого Душенька «...была всех видней, / И старших сестр своих достоинства мрачила / И розы красоту, и белизну лилей...» [11].

Означенные такими же акварельными красками важнейшие свойства героини романа в стихах оказались в гармонии с

вызвавшими живейший отклик поэта проявлениями любви и верности жен декабристов. С отъезжавшей в Сибирь к мужу А. Г. Муравьевой Пушкин передал вдохновляющее друзей стихотворное послание. В связи с этими значимыми для русского общества событиями у поэта существенно изменилось восприятие женщины и осознание ее роли – в личной жизни и в жизни общественной.

Переосмысление образа женщины, ее духовного облика, ее культурной и гражданственной роли устойчиво в творчестве Пушкина, начиная со второй половины 1820-х годов. В лирике чувство умиротворения при обращении к ней и воспоминания о ней: «добрый гений», «высокое светило», «волшебница», «мой ангел», «ангел кроткий, безмятежный», «маленькая ножка», «локон золотой», «ваши алые уста, / Как гармоническая роза», «ваши синие глаза», «ваши милые черты», «друг прелестный», «друг милый», «моя мадона» – не исчерпывают темы. Они сосуществуют с проблемными интонациями: «...ты мой злой иль добрый гений?», «призрак милый, роковой» – и с напряженно динамичными, драматичными образами красавиц стихов «Портрет», «Наперсник», «Счастлив, кто избран своенравно...», «Когда твои молодые лета...», «Что в имени тебе моем?..», «Когда в объятия мои...» и триптиха болдинской осени. А роль женщины с ее личностными свойствами, ее любовью и верностью уже определена как особо значимая. В акафистах, мадригалах, элегиях, сонете, посвящении поэмы «Полтава» созданы образы Е. Карамзиной, А. Каталани, А. Алябьевой, Н. Гончаровой и неназываемой, но определенной в ее конкретности для поэта читательницы с «душою скромной». Таковы и обобщенные образы волшебницы «Талисмана» и возвращающего «отвагу юных дней» ангела «Предчувствия». Все они предшествуют героиням прозаических произведений 1830-х годов: преисполненной любви к России Саши из «Рославлева», охраняющих и спасающих юного Гринева матери героя и Маши Мировой, капитанской дочки. Они готовят и

итоговое явление Татьяны, «милого идеала» автора.

С особой полнотой образ Татьяны был воспринят Мариной Цветаевой. В возрасте шести лет она увидела музыкальную сцену отповеди Онегина и на вопрос, что ей понравилось, твердила: «Татьяна и Онегин». Поэтесса писала о своем ответе самой себе на вопрос, почему: «(Я, молча, полными словами: – Потому что – любовь)». Она добавляла о романе: «... я прочла его в том возрасте, когда ни шуток, ни сатиры нет: есть темные сады (как у нас в Тарусе), есть развороченная постель со свечой (как у нас в детской), есть блистательные паркетные (как у нас в зале) и есть любовь (как у меня в грудной ямке)». Цветаева видела главное: «У кого из народов – такая любовная героиня: смелая – и достойная, влюбленная – и непреклонная, ясновидящая – и любящая» [12, с. 45, 48, 47]. Это главное в Татьяне определил сам поэт в своей начавшей сюжетное действие третьей главе эпиграфом к ней. Эпиграф указывает на основное в последующем тексте, и третьей главе предпосланы французские строки, вычитанные у Мальфилатра: «Elle était fille, elle était amoureuse» [Она была девушка, она была влюблена] [9, т. 5, с. 48].

Художественное, нравственное, социальное содержание образа Татьяны прежде всего именно в этом – в тождественности героини состоянию любви. Никогда после того, как увидев Онегина, она «вся обомлела, запылала», героиня не является в отсутствии ореола этого своего состояния. Оно само меняется, сопровождаясь ее томленьем, блаженством, негой, сомненьем, страстностью, пламенностью и нежностью, размышлением, печалью, тоской, надеждой, сожалением. Оно известно Пушкину и как соотносимое с творчеством, потому замечание В. Кюхельбекера: «Поэт в своей 8-й главе похож сам на Татьяну» [6, с. 42], вновь обнаруживает в героине именно это ее основное содержание, многомерное, как сама жизнь. И в Онегине она, с интуицией, присущей открытому для любви человеку, узнала «по сердцу друга». Но таково испытание ее

любви: герой ее чувств и мыслей узнает об этом правильном ее выборе – не умом, но сердцем – слишком поздно.

Полнота образа влюбленной в романе такова, что вызвала необходимость музыкального сопровождения героини. Вдохновение поэта, пишущего любовное послание, которое, замечает он, переведено с французского, находит источник и отклик в упоминаемой им перед представлением письма опере немецкого композитора К.-М. Вебера «Волшебный стрелок»: «Или разыгранный Фрейшиц / Перстами робких учениц...» [9, т. 5, с. 60]. Это произведение было новинкой в начале 1820-х годов и явилось шедевром романтической оперной классики. В ней ария Агаты – музыкальный эквивалент пушкинского письма [2, с. 202–222], своей искренностью воодушевляющего всех, кто его читает. А об арии, одном из особенно ярких центральных номеров оперы, впечатленный ее достоинствами Г. Берлиоз писал: «Это ни с чем несравнимо! Это божественное искусство! Это поэзия! Это сама любовь!» [4, с. 260].

Образ главной героини пушкинского романа для русского сознания и национального искусства, для русской личной, семейной и социальной жизни значим именно этим важнейшим его свойством. Подобно музыке, с присущей ей художественной силой озвучившей в блистательной арии Агаты чувство героини, Татьяна и есть сама любовь. Начав говорить о ней как о влюбленной, поэт показывает ее именно и только любящей, и она в романе – воплощение чувства любви. Потому она также «лунная» героиня, и ночь, свет луны сопровождают сильные движения ее чувств, когда она пишет письмо, верит «предсказаниям луны», гадает, видит вещий сон, горюет с Ольгой о Ленском, впервые посещает усадьбу Онегина. Такой, грустящей под луной, видит ее в своих мечтах, своих воспоминаниях влюбленный Евгений. И молитвенное ее состояние, проникновенность ее слов, ее восторг, искренность, страстность, ее доверчивость, печаль, надежда, сожаления – ими обогащены пушкинские стихи лю-

бовной тематики конца 1820 – начала 1830-х годов. Поэт выражает свое личное чувство с новой полнотой и многосторонностью, воплотив его в образе Татьяны. Многозвучие чувства любви предстает в стихотворениях «Ты и вы», «На холмах Грузии...», «Я вас любил...», «Зима. Что делать нам в деревне...», «Зимнее утро», «Мадона». После Пушкина ни один русский поэт, писатель, живописец, музыкант, обращаясь к любовному сюжету, не мог сказать, что он не знает, какова и в художественном ее воплощении, и в реальной жизни любящая русская женщина, как она говорит, любя, как выглядит, любя, как она ведет себя, верная своему чувству. Именно в полноте этого чувства и своего горящего им сердца, в самой глубине его, прежде всего, и отыскал Пушкин свою героиню, придав художественные плоть и кровь собственному чувству любви и в сотворении романтического образа совершенной, любящей героини представ новым Пигмалионом.

Библиографический список

1. Балашова И. А. Бессловесное в произведениях А. С. Пушкина // Литературоведческий журнал : Мат-лы III междунар. симпоз. «Русская словесность в мировом культурном контексте». – № 28. – М., 2011.
2. Балашова И. А. Романтическая мифология Пушкина. – Ростов н/Д.: Донской издательский дом, 2004.
3. Белинский В.Г. Собр. соч.: в 3 т. – М. : ОГИЗ, 1948.
4. Берлиоз Г. Избранные статьи. – М. : Государственное музыкальное издательство, 1956.
5. Богданович И. Душенька. Интернет-ресурс. http://bookz.ru/authers/ippolit-bogdanovi4/duben_ka_894/1-duben_ka_894.html
6. Дневник В. К. Кюхельбекера. – Б.м. : «Прибой», 1929.
7. Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / пер. с англ. – М. : НПК «Интелвак », 1999.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 тт. Т. XIII. – М.; Л. : Издательство АН СССР, 1937.
9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – Л. : Издательство «Наука», 1977–1979.
10. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. – Спб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1998.

11. Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. – СПб., 1996.
12. Цветаева М. Мой Пушкин. – Алма-Ата : Издательство «Рауан», 1990.
5. Bogdanovich I. Dushen'ka. Internet-resurs. http://bookz.ru/authers/ippolit-bogdanovi4/du6en_ka_894/1-du6en_ka_894.html

Bibliograficheskiy spisok

1. Balashova I. A. Besslovesnoe v proizvedenijah A. S. Pushkina // Literaturovedcheskiy zhurnal : Mat-ly III mezhdunar. simpoz. «Russkaja slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste». – № 28. – М., 2011.
2. Balashova I. A. Romanticheskaja mifologija Pushkina. – Rostov n/D.: Donskoj izdatel'skiy dom, 2004.
3. Belinskij V.G. Sobr. soch.: v 3 t. – М. : OGIZ, 1948.
4. Berlioz G. Izbrannye stat'i. – М. : Gosudarstvennoe muzykal'noe izdatel'stvo, 1956.
6. Dnevnik V. K. Kjuhel'bekera. – В.м. : «Priboj», 1929.
7. Nabokov V. Kommentarii k «Evgeniju Oneginu» Aleksandra Pushkina / per. s angl. – М. : NPK «Intelvak », 1999.
8. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 16 tt. T. XIII. – М.; L. : Izdatel'stvo AN SSSR, 1937.
9. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. – L. : Izdatel'stvo «Nauka», 1977–1979.
10. Pushkin v vospominanijah sovremennikov: V 2 t. – Spb. : Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt», 1998.
11. Pushkin v prizhiznennoj kritike. 1820–1827. – SPb., 1996.
12. Cvetaeva M. Moj Pushkin. – Alma-Ata : Izdatel'stvo «Rauan», 1990.

© Балашова И. А., 2016

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЭПИТЕТОВ
ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
ТРАГИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. ДАЛА И ДЖ. АРЧЕРА)**

А. И. Дзюбенко
О. А. Клименко

*Кандидат филологических наук, доцент,
студентка,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

**ON PROBLEM OF EPITHETS WITH POSITIVE CONNOTATION FUNCTIONING
IN FICTIONAL TRAGIC DISCOURSE
(BASED ON WORKS BY R. DAHL AND J. ARCHER)**

A. I. Dzyubenko
O. A. Klimenko

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
student,
South Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. The article deals with the disclosing the functions the epithets with positive connotation fulfill in the texts that have grave, tragic and even full of malevolence storylines created by two outstanding authors – Jeffrey Archer and Roald Dahl. The epithets reinforce the pragmatic potential of the fictional discourse by abovementioned authors making the reader go through the juxtaposition of the unexpected and unpredictable language twists in the stories – positive determiners help to make the described sullen atmosphere even more wretched. Thus, the epithets contribute to the whole emotive and evaluative perspective of the discourse.

Keywords: pragmatic potential; epithet; antithesis; juxtaposition.

Художественная литература, будучи особым видом отражения окружающей читателей действительности, не может не изобиловать языковыми средствами различных уровней, благодаря которым и создается лингвостилистическое своеобразие художественных текстов как «сгустков» психоэмоциональных, тематических, коннотативных смыслов. Эксплицируя определенную информацию, лексико-грамматические и стилистические элементы художественного дискурса также создают важный для общего понимания текста изобразительный фон, формируемый за счет интродукции эпитетов в повествование. Несомненно, эпитет, помимо базовой экспрессивной функции, выполняет также функцию прагматическую, влияя на внутреннее «Я» читателя, актуализируя его эмоциональную сферу за счет создания особого психоэмоционального, «колоритного» напряжения при восприятии качественных характеристик детер-

минируемого эпитетом объекта или его отдельных свойств.

Эпитет, как один из самых распространенных видов тропа, имеет долгую историю исследования. Еще античные теоретики Аристотель и Квинтилиан описали его свойства и значение в своих работах. Этому стилистическому приему и по сей день уделяется большое внимание. При этом лингвистическая природа эпитета изучается, как правило, в свете господствующей научной парадигмы того или иного времени [1, с. 3]. Таким образом, эпитеты не только демонстрируют в художественном тексте свойства объекта, но и делают его красочным, живописным, формируют особую гармонию фразы и целого произведения.

К определению эпитета применяется как широкий, так и узкий интерпретационный подход. При реализации широкого подхода (Б. В. Томашевский, И. Б. Голуб, Г. Н. Пospelов и др.) эпитет рассматрива-

ется как нечто характерное поэзии, прозе и даже обиходно-разговорной речи. Кроме того, к категории эпитетов относят наречия, деепричастия, имена существительные, а также прилагательные. Так, следующее определение эпитету в широком смысле дается в Литературном энциклопедическом словаре под общей редакцией В. М. Кожевникова: «Эпитет (от греч. *epitheton*, букв. – приложенное) – один из тропов, образное определение предмета (явления), выраженное преимущественно прилагательным, наречием, существительным, числительным, глаголом» [2, с. 747].

Вместе с тем, исследователи А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, К. С. Горбачевич, А. П. Евгеньева, В. П. Москвин придерживаются узкого понимания термина «эпитет», считая его явлением стилистического порядка. В данном значении эпитет – это красочное, образное определение, возникающее на основе переносного значения слова, выраженное именем прилагательным. Таким образом, тонкой гранью между узким и широким пониманием эпитета является, безусловно, то, к какой части речи он принадлежит, и какова его стилистическая принадлежность.

Функционируя как художественно-образительные средства, эпитеты играют важную роль в творчестве Дж. Арчера и Р. Дала. В трагических и мрачных произведениях обоих авторов встречаются яркие и коннотативно-положительные эпитеты, которые, на первый взгляд, абсолютно не вписываются в общее трагическое повествование подобного типа, однако все они выполняют определенную прагматическую и образительную функцию.

Созданная Р. Далом печальная история «*The Way up to Heaven*» описывает смерть Мистера Фостера, застрявшего в лифте и вынужденного находиться там шесть недель, пока его жена не вернется из Парижа. С самого начала становится понятно, что фактически в том, что случилось, виновата сама Миссис Фостер, так как она, не желая опаздывать на самолет, оставила мужа в беде, хотя прекрасно слышала, как последний звал на помощь,

оказавшись заточенным в лифте. Казалось бы, дальше автор должен описывать тяжелые душевные муки женщины по поводу оставленного ею в беде мужа, однако в описании, мы находим следующее: «*Soon she was high up over the Atlantic, reclining comfortably in her airplane chair. The new mood was still with her. She felt remarkably strong and ... wonderful... and great sense of calmness began to settle upon her. By the time she reached Paris, she was just as strong and cool and calm as she could wish*» [8, с. 24]. Кроме того, находясь в Париже, она каждую неделю пишет Мистеру Фостеру письма, словно не подозревая, что ее мужа уже давно нет в живых: «*Once a week, on Tuesday, she wrote a letter to her husband – a nice, chatty letter full of news and gossip*» [8, с. 26]. В чем же причина того, что в данном контексте автор прибегает к применению эпитетов, использование которых совершенно противоречит данной ситуации? Прежде всего, таким образом автор стремится показать читателям истинное «Я» героя. Эпитет в сочетании с метафорой создает более полную картину происходящего, благодаря которой у читателя возникают противоречивые чувства относительно героев. Так, он может дать оценку действиям персонажей, сопереживать им или как в произведении Р. Дала «*The Way up to Heaven*» строго осудить героиню за такой подлый поступок.

В другом рассказе, похожем по проблематике на предыдущее произведение, «*Lamb to the Slaughter*», смерть также занимает центральное место, только в этом случае речь идет уже о явном убийстве Мэри Мэлони своего мужа. Жестоко расправившись с близким ей человеком, она вовсе не чувствует вины, а лишь ехидно посмеивается над полицейскими, ломающими голову над тем, кто бы мог решиться на убийство сотрудника полиции: «*There as a slow smiling air about her, and about everything she did. The drop of a head as she bent over her sewing was curiously tranquil ... the mouth was soft and the eyes with their new placid look seemed larger and darker than before*» [7, с. 3]. Удивительно, насколько бесчувственной она была, что

могла сохранять спокойный вид и холодный взгляд все это время. В данном случае эпитет служит средством создания антитезы. Читатель видит истинную натуру героини, он мог бы без труда дать оценку ее поступкам, понять, в чем суть рассказа и без употребленных автором средств выразительности. Однако, чтобы придать тексту большую выразительность и яркость, автор выстраивает антитезу на базе прямо противоположных понятий, что способствует созданию эмоционально-стилистической интенсификации звучания произведения.

Трагические произведения Дж. Арчера также отличаются широким использованием эпитетов, которые влияют на выразительность текста, благодаря которым автор позволяет читателям глубже понять его замысел. Так, в рассказе с неожиданной развязкой «Eye for an Eye», главная героиня, хитрая и коварная Миссис Бэнкс, убивает своего мужа в порыве гнева. Она придумывает невероятную историю, чтобы избежать наказания, однако следователь оказывается настоящим профессионалом и находит изобретательные способы заставить героиню выдать себя. Читатель совсем не ожидает встретить в повествовании положительно-красочное описание миловидной женщины, преступившей закон и жестоко расправившейся с мужем, однако автор намеренно использует этот метод: на фоне последовательности коннотативно положительных эпитетов всевозможные ухищрения и уловки героини-убийцы становятся еще более отталкивающими и возмутительными: «He knew from his file on the case that she was 37, but *frail*, gray-haired woman who sat with her hands resting in her lap looked nearer fifty. Only when he studied her *fine* cheekbones and slim figure did he see that she might once have been a *beautiful* woman» [6, с. 303]. На данном этапе читатель еще не знает, что на самом деле преступление было совершено именно Миссис Бэнкс, поэтому, судя по доброжелательному отношению автора к героине, читатель может сделать вывод, что в конце рассказа женщину оправдают. Однако, в

развязке тайна героини раскрывается, тем самым достигается эффект полной неожиданности. Автор добился задуманного путем резкого противопоставления образов, в котором ведущую роль играет эпитет. Благодаря использованной стилистической фигуре, автор не только ярче показывает истинную природу героя, но и воздействует на читателя.

В другом рассказе Дж. Арчера – «Christina Rosenthal» – описывается роман двух подростков. Вместе с ними читатель переживает все невзгоды, которые выпали на их долю. Произведение пронизано грустью, а эмоциональное настроение рассказа – меланхолическое, поэтому кажется, что здесь автор определенно будет избегать использования ярких, образных определений. Однако и в данном произведении, при внимательном прочтении, можно обнаружить множество выразительных и красочных эпитетов: «It was the *happiest year* of my life, and I was unable to hide from anyone how I felt. Our affair – for that's how the gossips were describing it – inevitably became public» [5, с. 275], «What I saw took me by surprise – not to find her in a *beautiful shop*, but to discover it was where she worked» [5, с. 272]. Данные средства выразительности преднамеренно включены автором в описание, так как благодаря им читатель подсознательно чувствует, что герои все-таки будут вместе и обретут простое человеческое счастье. Но развязка не оправдывает ожиданий, и вследствие этого возникает подавленность и опустошенность. Именно это и было целью автора – он хотел вызвать у читателей как можно больше эмоций, заставить их задуматься о взаимоотношениях с окружающими людьми.

Как показал анализ, роль эпитета в рассказах Р. Дала и Дж. Арчера трудно переоценить. Он служит для усиления прагматического смысла произведения, создания яркой архитектоники рассказа. Употребление данного тропа в трагическом контексте приводит к тому, что читатель сталкивается с неожиданным сочетанием положительных эпитетов и мрачной, гнетущей атмосферой, что произво-

дит на него сильное впечатление. Эпитет здесь пробуждает эмоциональное отношение к теме, внушает те или иные идеи и придает чувственно-оценочный смысл всему произведению.

Библиографический список

1. Касьянова Е. Ю. Цветовой эпитет // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2011. – Вып. 12 (104) – С. 236–238.
2. Кожевников В. М. Литературный энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 751 с.
3. Москвин В. П. Эпитет в художественной речи // Русская речь. – 2001. – № 4. – С. 32–36.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1995.
5. Archer J. Christina Rosenthal // Twelve Red Herring. – London : BCA, 1994. – 379 p.
6. Archer J. Eye for an Eye // Twelve Red Herring. – London : BCA, 1994. – 379 p.
7. Dahl R. Lamb to the Slaughter // The Collected Short Stories of Roald Dahl. – London : Penguin Books, 1992. – 762 p.
8. Dahl R. The Way up to Heaven // The Collected Short Stories of Roald Dahl. – London : Penguin Books, 1992. – 762 p.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kas'janova E. Ju. Cvetovoj jepitet // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki. – Tambov, 2011. – Vyp. 12 (104) – S. 236–238.
2. Kozhevnikov V. M. Literaturnyj jenciklopedicheskiy slovar'. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1987. – 751 s.
3. Moskvina V. P. Jepitet v hudozhestvennoj rechi // Russkaja rech'. – 2001. – № 4. – S. 32–36.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka. – M., 1995.
5. Archer J. Christina Rosenthal // Twelve Red Herring. – London : BCA, 1994. – 379 p.
6. Archer J. Eye for an Eye // Twelve Red Herring. – London : BCA, 1994. – 379 p.
7. Dahl R. Lamb to the Slaughter // The Collected Short Stories of Roald Dahl. – London : Penguin Books, 1992. – 762 p.
8. Dahl R. The Way up to Heaven // The Collected Short Stories of Roald Dahl. – London : Penguin Books, 1992. – 762 p.

© Дзюбенко А. И., Клименко О. А., 2016

РАЦИОНАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА АВТОРОМ ИМЕЮЩЕГОСЯ В ЕГО РАСПОРЯЖЕНИИ ФОНДА ЗНАНИЙ

Н. В. Ефремова

*Преподаватель,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
г. Волгоград, Россия*

AUTHOR'S RATIONAL AND LOGICAL ESTIMATION OF ITS FUND OF KNOWLEDGE

N. V. Efremova

*Teacher,
Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia*

Abstract. The article studies the reflection as a special mechanism of phrase-structure transformation of a scientific text, and also as a mental process associated with the assessment mechanism of the natural development of cognitive activity. The article shows the examples of evaluating literary, popular scientific and science-related texts performed by scientists N. Amosov and F. Uglov. Being a strategy of the author, reflection allows us to express agreement or disagreement with fellow scientists in the transmission of new experience, and leads to the main communication task as to convince the recipient of the correctness of his/her scientific concept.

Keywords: reflection; mechanisms of knowledge functioning; scientific knowledge; cognitive and discursive mechanisms.

Оценка выступает основным механизмом развёртывания процесса познания в дискурсе автора, поскольку «научное знание изначально оценочно, или – шире – аксиологично» [5], что связано с самой природой научного творчества. Оценка определяет выбор автором концепции, перспективу познавательного процесса, характер решения исследуемой проблемы до него, место используемых в научных работах прецедентных текстов и имён (оппонентов и единомышленников). Оценка автора проявляется при обосновании актуальности, новизны, значимости научного исследования, она отражает взгляды и представления ученого, его идеалы, убеждения, волевые и эмоциональные побуждения, психологические установки, т.е. выявляет весь спектр личностных качеств исследователя, актуальных для его научной деятельности [12].

Известно, что рефлексия является тем механизмом, который переводит проблему из внешней по отношению к человеку плоскости во внутреннюю. Рефлексия протекает через процессы самопонимания, са-

мооценки, самоинтерпретации, позволяет осознать значение окружающего мира для познающего субъекта, привнести смыслы в получение нового опыта.

Важным компонентом процесса рефлексии является самоанализ, в ходе которого ученый определяет соответствие результата с поставленной целью, оценивает свои достижения, выделяет те элементы, которые не доработаны, т. е. критически осмысливает достигнутые результаты с возможностями, являющимися основой для последующих действий [13].

В философском энциклопедическом словаре рефлексия трактуется как принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок; предметное рассмотрение самого знания, критичный анализ его содержания и методов познания; деятельность самопознания, раскрывающая внутреннее строение и специфику духовного мира человека [14].

Рефлексия является механизмом естественного развития познавательной деятельности, составной частью механизма

саморегуляции научного познания, а не только механизмом самопознания [11]. Наблюдается взаимосвязь рефлексивного и рационального моментов движения научного знания, т. к. научная рациональность, ответственная за объективно-принудительное развертывание научного знания, сама порождает неразрешимые в ее рамках проблемы, приводящие в итоге к смене исторического типа рациональности. Рефлексия предполагает прояснение оснований научной рациональности, предел которой по объективным причинам обнаруживается практически [11, с. 51]. Таким образом, рефлексивная деятельность реально действующего в науке субъекта познания заключается в выявлении и развитии потенциально существующих предпосылок и оснований научного знания, которые должны лежать в основе его познавательной позиции. Отсюда помимо реально действующего в науке субъекта следует рассматривать потенциальную субъективную позицию, конституруемую практически ограниченными нормами научной рациональности. Это значит, что сущность рефлексии реально-го субъекта заключается в актуализации новой познавательной позиции, ответственной за целевую направленность реального движения научного знания. Ученый, с одной стороны, работает с опорой на непосредственные образцы, являясь участником соответствующих социальных эстафет, но с другой, – он вынужден вербализовать свой опыт, вербализовать те образцы, с которыми работает, т. е. сделать все это достоянием централизованной социальной памяти. Так, Н. М. Амосов, в своей монографии «Физическая активность и сердце» обобщает и актуализирует свою позицию по внедрению физических нагрузок в жизнь людей с сердечными заболеваниями: «Мы *уверены*, что применение дозированной физической нагрузки в сочетании с ограничениями в диете может дать *хороший эффект* в профилактике и лечении большинства хронических заболеваний. Эта область имеет прямое отношение к *ключевым* проблемам медицины нашего века» [4,

с. 192], выражая уверенность в её правильности и актуальности (*уверены, хороший эффект, ключевая проблема медицины*). Ученый-хирург Ф. Г. Углов выводит оценочные суждения в форме рекомендаций для врачей-специалистов: «*Порочным* является широко принятое на практике лечение по схемам: пенициллин по 100.000 ЕД 4×3×2 раза в день, норсульфазол по 1,0×4 раза в день. Со всей ответственностью необходимо заявить, что такого рода «лечение» плодит пенициллино-сульфаниламидо-резистентные штаммы микробов, «залечивает» больного, превращает его в хроника» [10, с. 13].

В творчестве ученого рефлексия служит орудием критики научного знания, благодаря чему знания и опыт становятся динамичным, развивающимся элементом. Рефлексия выступает и одним из способов стимулирования знаний и опыта, становится связующим звеном между опытом (знанием) учёного и той ситуацией, которая представлена в тексте как предмет для освоения.

Рефлексивность при самооценке делает ее более объективной, способствующей когнитивному оформлению представляемого в тексте знания. Рефлексивность у Н. М. Амосова в художественном произведении «Мысли и сердце» проявляется в способности анализировать свои поступки, видеть и критически осознавать свои возможности. Обратимся к примерам из текста: «*Как операция, так сплошная нервотрепка. Потому что ты просто псих. Распустился. Пользуешься положением. Вот на Володю накричал зря...*» [2, с. 214], «*Две жизни, несчастье близких-затухающее, но, может быть на много лет. Все со знаком минус. Три спасенные жизни, из них двое – сердечные больные, – неизвестно, надолго ли. Это со знаком плюс. Удовольствие их родственников – тоже. Баланс, думаю, будет отрицательный. К этому еще добавить ущерб для больных от моего падения... Вот цена аварии, цена моего поступка. Без всяких эмоций*» [2, с. 285]. Художественный текст Ф. Г. Углова насыщен не только примерами из жизни, но и рассуждениями

хирурга об ответственности за чужую жизнь, долге врача и нелегкой профессии хирурга: «*Не сразу удастся унять эту дрожь, вернуть покой душе. И это при условии, что операция закончилась твоей победой, ты справился со всеми трудностями, больной жив. Тут затянувшееся волнение в конечном счете преодолевается внутренним удовлетворением и радостью, что все же на коне, как тяжело бы ни было – человека спас! Когда же из-за допущенного промаха или внезапного осложнения больной погибает, волнение достигает предела, продолжается много дней. Как правило, в таком случае назавтра, а иногда и на больший срок хирург отказывается от операций, чтобы прийти в себя, настроится на рабочий лад. Терзаясь, он ищет, ищет, стараясь уловить причину происшедшей катастрофы и обязательно отыскать повод для самообвинений...*» [8, с. 298–299]. Данный фрагмент показывает переживания врачом неудач, возложенную на него ответственность за жизнь людей. Рефлексивный анализ включает выяснение сущности и причин явлений и процессов, приведших к тому или иному результату, обращение к оценке собственного способа действия, своего чувственного мира и жизнедеятельности.

В научно-популярном произведении Н. М. Амосова «Физическая активность и сердце» обнаруживается проявление рефлексии как ментального психического процесса, связанного с **оценкой**: «*В последнее десятилетие, впервые, наконец, наметились некоторые положительные сдвиги*» [4, с. 108]; **обнаружением ошибок**: «*Скажут, что сейчас врач дает рекомендации, как вести себя. Да, но они обычно или прямо сводятся к догмам, или ограничиваются советами: «дышать свежим воздухом», «больше двигаться», «уменьшить употребление жиров» и т. д.*» [4, с. 190]; **контролем за жизнедеятельностью человека после операции**: «*При окончании лечения или еще в процессе его у всех больных нужно исследовать резервы с помощью нагрузочных тестов и*

назначить курс тренировки. Конечно, после полного выздоровления большинство пациентов снова перестанут заниматься физкультурой, но, по крайней мере, они поверят в нее и будут готовы повторить попытку при рецидиве болезни» [4, с. 190]. Одним из средств выражения рефлексивного состояния автора в тексте является вопрос, который выступает в качестве начальной формы активного отражения процесса познания, начала осмысления (рефлексии). Он ценен тем, что, продуманный, заданный и осмысленный основательно, помогает выявить пробелы в той или иной области знания, дать направление для дальнейших исследований. Если вопрос возникает на фоне уже хорошо известных знаний, то он может быть **началом** для получения какого-либо уникального по своей природе знания: «*Чем дальше будет развиваться медицина, тем больше функций мы будем постоянно контролировать. Таким образом мы обеспечим более высокий уровень функционирования и более продолжительную жизнь. Есть ли достаточные основания для этих или подобных положений?*» [4, с. 4]; **уточнением** уже известного знания: «*Можно ли остановить прогрессирующее ухудшение здоровья людей или это фатально связано с развитием техники и благосостояния? Несомненно, можно*» [4, с. 107], средством **обнаружения ошибок** в полученном результате исследования: «*Далее: так ли могущественна современная медицина?*» [4, с. 107]. В научно-популярном тексте Ф. Г. Углова рефлексия связана прежде всего с рекомендациями, которые должны подвигнуть человека жить лучше и дольше, беречь нервную систему: «*Слабости людей, их пороки, некрасивые поступки, взрывы нетерпимости следует воспринимать спокойнее, как нечто такое, что не вами заведено и вы одни не сумеете это исправить. На мой взгляд, тут необходимо выработать в себе некоторую снисходительность к подобным поступкам, умение понять и, может быть, извинить минутную слабость человека, особенно близкого вам. Разумеется, я не призываю к всепроще-*

нию, не советую подставлять левую щеку, если вас ударили по правой. Нет, конечно, за всякую подлость, хамство человека следует наказывать, ставить его на место – иначе он распояшется и будет приносить людям еще большие зла. Но ограждать свое сердце, свою нервную систему, свое здоровье от неприятных раздражителей – этому **следует научиться**, это необходимо для здоровья» [9, с. 13–14].

Рассматривая развитое критическое мышление как обязательный компонент сознания ученого, можно предложить следующий вариант, синтезирующий многочисленные его определения: критическое мышление по отношению к репрезентации научного сознания в текстах – сложный рефлексивный процесс мышления, который включает ассоциативное восприятие, анализ и оценку механизмов функционирования знания в научном пространстве. При этом развитие критического мышления не итоговая цель научного сознания, а его постоянный компонент.

Так, в монографии «Терапевтические аспекты кардиохирургии», относящейся к *собственно-научному* тексту, в главе «Хирургическое лечение ишемической болезни сердца» Н. М. Амосов говорит о **недостаточности** работы врачей над реабилитацией больных: «Вопросы трудовой реабилитации больных после аортокоронарного шунтирования во многом **остаются нерешенными**. Наблюдения показывают, что возвращение к труду оперированных больных **значительно ниже их истинных трудовых возможностей**» [3, с. 194], в монографии «Очерки торакальной хирургии» указывает на неправильную диагностику заболевания: «Тем не менее перед операцией не всегда определяется характер обсеменения, не уточняется форма туберкулеза, что, конечно, нужно отнести к недостаткам диагностики» [1, с. 236], ошибки в проведении асептических мероприятий: «Нагноений операционной раны не должно быть после торакопластики, и если они встречаются, то это объясняется погрешностями в асептике» [1, с. 263], предупреждает об осторожности

в использовании нового метода: «Мы не можем еще сказать, насколько действенна профилактика антикоагулянтами, но, применив ее у 12 больных, подозрительных на возможность тромбоэмболий, мы не имели ни одного случая смерти» [1, с. 184], новых методик оперирования: «Наиболее трудным местом, как нам кажется, на основании нашего опыта, является правильное вскрытие просветов соприкасающихся сосудов с тем, чтобы отверстия в сосудах были надлежащей длины и располагались параллельно друг другу, не смещались в ту или другую сторону одно в отношении другого. Видимо, нужно стенки сосуда прокалывать раньше острым скальпелем, а потом увеличивать разрез до нужных размеров тонкими ножницами, которые употребляются в нейрохирургической практике» [1, с. 571].

В собственно-научном тексте Ф. Г. Углова также высказывается мнение о дальнейшем исследовании в области хирургии лёгких, в которой «несмотря на большие достижения в результатах резекции лёгких, удаление всего лёгкого, как видно из последних статистических данных, все еще сопровождается высоким процентом летальности. От такой операции умирает в среднем около 30 % больных... Хирурги не раз пытались заменить резекцию лёгких другой, менее травматичной операцией. Однако до сих пор эти попытки были неудачны» [7, с. 23].

Критический взгляд ученого, представленный в научном тексте, позволяет произвести очень важный психологический акт – переосмысление изучаемого явления, что, выступая способом идеального взаимодействия человека с миром, определяет **самоизменение** и **саморазвитие** ученого, позволяет трактовать переосмысление как рефлексию [15, с. 55]. Рефлексия, переосмысление личностных стереотипов знаний, представляет собой прогрессивный способ развития, развертывания знания под новым углом зрения. При таком способе разрешения критической (проблемно-конфликтной) ситуации переживания конфликтности не подавляются, не игнорируются и не служат толч-

ком к личностному «уходу», а, наоборот, обостряется, поскольку субъекту приходится двигаться к нахождению решения вопреки очевидной его невозможности. Рационально-логическая оценка знания является одной из стратегий автора, где он выражает согласие с позицией единомышленников или высказывает критическое мнение. Оценка также служит коммуникативной задаче адресанта – убедить адресата, принять и поддержать его научную концепцию, включив её в свою систему знаний. Следовательно, используя рефлексивность как механизм организации в научном тексте, автор, переосмысливает и преобразует конкретные проблемные ситуации, творчески подходя к процессу создания новых методов лечения, передаче опыта.

Библиографический список

1. Амосов Н. М. Очерки торакальной хирургии. – Киев : Госмедиздат УССР, 1958. – 727 с.
2. Амосов Н. М. Мысли и сердце. – М. : Молодая гвардия. – 1969. – 352 с.
3. Амосов Н. М., Бендет Я. А. Терапевтические аспекты кардиохирургии. – Киев : Здоров'я, 1983. – 295 с.
4. Амосов Н. М., Бендет Я. А. Физическая активность и сердце. – 3-е изд., переработ. и доп. – Киев : Здоров'я, 1989. – 213 с.
5. Данилевская Н. В. Функция оценки в процессе формирования нового научного знания. – Язык. Текст. Дискурс: науч. альманах Ставропольского отдела РАЛК / под ред. Г. Н. Манаенко. – Вып. 8. – Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2010. – С. 38–43.
6. Ракитина С. В. Научный дискурс с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры. – Ярославль : Изд-во Ремдер. – 2009. – С. 412–415.
7. Углов Ф. Г. Резекция лёгких. – 2-е изд., испр. и доп. – Л. : Медгиз, 1954. – 436 с.
8. Углов Ф. Г. Сердце хирурга. – М. : Современник, 1974. – 584 с.
9. Углов Ф. Г. Будни хирурга. Человек среди людей. – Минск : АСТ, Харвест, 2014. – 416 с.
10. Углов Ф. Г. и др. Острая пневмония: методическое письмо для врачей-терапевтов. – Ленинград, 1971. – 35 с.
11. Свергузов А. Т. Рефлексия в структуре механизмов научного познания : дис. ... канд. филос. наук. – Ульяновск, 1996. – 150 с.
12. Фатеева Ю. Г. Специфика медицинского юмора (на материале прозы врачей) // Новая наука: от идеи к результату : междунар. период. научн. издание по итогам междунар. научн.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 2. – Стерлитамак : РИЦ АМИ, 2016. – С. 213–215.
13. Фатеева Ю. Г. Способы наименования пациента как отражение тенденции к обезличиванию человека // Society, culture, personality in modern world : materials of the VI international scientific conference on February 16–17, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – С. 183–186.
14. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов – М. : Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
15. Швырев В. С. Рефлексия и понимание в современном анализе науки // Вопросы философии // 1985. – № 6. – С. 48–67.

Bibliografickij spisok

1. Amosov N. M. Oчерki torakal'noj hirurgii. – Kiev : Gosmedizdat USSR, 1958. – 727 s.
2. Amosov N. M. Mysli i serdce. – M. : Molodaja gvardija. – 1969. – 352 s.
3. Amosov N. M., Bendet Ja. A. Terapevticheskie aspekty kardiohirurgii. – Kiev : Zdorov'ja, 1983. – 295 s.
4. Amosov N. M., Bendet Ja. A. Fizicheskaja aktivnost' i serdce. – 3-e izd., pererabot. i dop. – Kiev : Zdorov'ja, 1989. – 213 s.
5. Danilevskaja N. V. Funkcija ocenki v processe formirovanija novogo nauchnogo znanija. – Jazyk. Tekst. Diskurs: nauch. al'manah Stavropol'skogo otdela RALK / pod red. G. N. Manaenko. – Vyp. 8. – Stavropol' : Izd-vo SGPI, 2010. – S. 38–43.
6. Rakitina S. V. Nauchnyj diskurs s pozicij kognitivno-diskursivnogo podhoda // Aktivnye processy v razlichnyh tipah diskursov: funkcionirovanie edinic jazyka, sociolekty, sovremennye rechevyje zhanry. – Jaroslavl' : Izd-vo Remder. – 2009. – S. 412–415.
7. Uglov F. G. Rezekcija ljogkih. – 2-e izd., ispr. i dop. – L. : Medgiz, 1954. – 436 s.
8. Uglov F. G. Serdce hirurga. – M. : Sovremennik, 1974. – 584 s.
9. Uglov F. G. Budni hirurga. Chelovek sredi ljudej. – Minsk : AST, Harvest, 2014. – 416 s.
10. Uglov F. G. i dr. Ostraja pnevmonija: metodicheskoe pis'mo dlja vrachej-terapevtov. – Leningrad, 1971. – 35 s.
11. Sverguzov A. T. Refleksija v strukture mehanizmov nauchnogo poznanija : dis. ... kand. filos. nauk. – Ul'janovsk, 1996. – 150 s.
12. Fateeva Ju. G. Specifika medicinskogo jumora (na materiale prozy vrachej) // Novaja nauka: ot idei k rezul'tatu : mezhdunar. period. nauchn. izdanie po itogam mezhdunar. nauchn.-prakt. konf.

- V 2 ch. Ch. 2. – Sterlitamak : RIC AMI, 2016. – S. 213–215.
13. Fateeva Ju. G. Sposoby naimenovanija pacienta kak otrazhenie tendencii k obezlicivaniju čeloveka // Society, culture, personality in modern world : materials of the VI international scientific conference on February 16–17, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016b. – S. 183–186.
 14. Filosofskij jenciklopedičeskij slovar' / pod red. L. F. Il'ichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov – M. : Sov. Jenciklopedija, 1983. – 840 s.
 15. Shvyrev V. S. Refleksija i ponimanie v sovremennom analize nauki // Voprosy filosofii // 1985. – № 6. – S. 48–67.

© Ефремова Н. В., 2016

**КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ВРАЧА
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ)**

Ю. Г. Фатеева

*Кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Волгоградский государственный
медицинский университет,
г. Волгоград, Россия*

**THE CONCEPT OF "DEATH" IN THE PROFESSIONAL LANGUAGE PICTURE
OF THE WORLD OF A DOCTOR (ON A MATERIAL OF FICTION)**

J. G. Fateeva

*Candidate of Philological Sciences, senior teacher,
Volgograd State Medical University,
Volgograd, Russia*

Abstract. In the article the concept of "death" analyzed in an article in the context of a professional medical language picture of the world. The material analysis is fiction doctors. The object of analysis is the concept of "death" in prose D. Tsepov, T. Solomatina, A. Ulyanov. We study the linguistic identity of the medical worker from the position of the selection of linguistic material, creating the concept of "death". The study found that the concept of death is associated with the concept of "blood." The color of blood is a sign of a major differential in creating this concept. However, understanding of the color of blood as a symbol of life and death different from the authors. The reason for this in a variety of medical situations. The differences in the perception of death are considered in the article, taking into account the specifics of the professional activity of the doctor. The visual image of death is mainly built up with the medieval image of death traditions.

Keywords: language picture of the world; professional language picture of the world; language personality; professional language person; medicine; health care worker; a doctor; the death of the physical; physiological death.

Современные политические и экономические процессы в сочетании со стремительным развитием технического прогресса способствуют стиранию межкультурных границ. Это в свою очередь приводит к тому, что все чаще возникает вопрос национальной самоидентификации. Лингвистика также «откликнулась» на основную проблему современности, в результате чего объектами пристального внимания науки стали понятия «языковая личность», «языковая картина мира» и т. д.

Данные понятия рассматривались в трудах Н. Ф. Алефиренко [1], С. А. Аскольдова [3], А. Вежбицкой [5], С. Г. Воркачевы [6], Д. С. Лихачева [12], В. И. Карасика [10], Ю. Н. Караулова [11] и др. Как правило, данные понятия ученые связывают с ментальными и языковыми особенностями определенного этноса (Лихачев; Карасик; Алефиренко и т. д.). Между тем, результаты исследования

языковой картины мира того или иного народа применимы и к изучению профессиональной картины мира.

Напомним, что сравнительно недавно попавшее в поле зрения ученых понятие «профессиональная языковая картина мира» включает в себя такие понятия, как «профессия», «профессиональная коммуникация», «профессиональный дискурс», «языковая личность» [9]. Вместе с тем стоит уточнить, что «...профессионалы, принимающие свою профессию как образ жизни, приобретают особое видение окружающего мира, особое отношение к ряду объектов, а часто и особые свойства перцепции, оптимизирующие взаимодействие с этими объектами» [2, с. 128]. Бесспорно, образ жизни накладывает отпечаток и на язык профессионала, именно поэтому представляется возможным говорить о профессиональной языковой картине мира.

Базовым понятием при определении особенностей языковой картины мира является понятие «концепт», в структуру которого ходит «...все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» [16, с. 41]. Однако такое понимание концепта, по мнению ученых, относится скорее к наивной картине мира. Профессиональный мир во многом по-иному воспринимает реалии мира, вводя в структуру концептов новые нюансы значения. Примером такого концепта, состав которого отличается в наивной картине мира и профессиональной языковой картине мира врача, является концепт «смерть».

Отметим, что каждая наука пытается дать свое, исчерпывающее определение смерти. Например, «Энциклопедический словарь» понимает слово смерть следующим образом: «1. Смерть – может быть рассматриваема как прекращение жизнедеятельности организма и как прекращение жизнедеятельности клеток, его составляющих, и, наконец, как исчезновение из современной фауны целого вида. Таким образом, мы должны отличать: С. индивидуальную, С. тканей организма и С. вида.» [14, с. 398].

Медицинский словарь полагает, что смерть – это «прекращение жизненных функций. Диагноз смерти ставится на основании полного прекращения сердцебиения. Смерть мозга (brain death) определяется по полному прекращению функции центров ствола головного мозга, которые контролируют дыхательный, зрачковый, а также некоторые другие жизненно важные рефлексы» [4, т. 2, с. 268].

Таким образом, ключевое понятие, характеризующее концепт «смерть», – это «прекращение», остановка, в сочетании с прилагательными «необратимое», «полное», что является синонимом слова «абсолютная».

Вместе с тем, смерть – явление частое, порой даже обыденное; смерть – это неизбежный конец всего на земле: человеческой жизни, отношений, народов, цивили-

заций. Смерть человека многолика: гибнет его тело (физическая смерть), гибнет его разум (интеллектуальная смерть), человек перестает быть социально активным (социальная смерть) и т. д. Сталкиваясь со смертью ежедневно, человек выработал определенный стереотип отношения к ней, сформированный на основе ментальных представлений о ней.

Отношение к смерти – это определенные жизненные установки, имеющие отношение к формированию личности и потому закрепленные в картине мира. Во многом эти установки определяются, по мнению ученых, культурным, религиозным сознанием индивида, потому как «смерть не может рассматриваться вне религиозного контекста. И отрицание этого факта грозит колоссальными заблуждениями, редукцией смерти до факта биографии, социальной проблемы...» [13, с. 116]. Однако такое мнение нам не представляется исчерпывающим по отношению к представителям различных религиозных конфессий, профессиональных групп и т.д. Например, восприятие смерти врачами в большинстве случаев отличается от переживаний обычного человека, что нашло отражение в профессиональной языковой картине мира врача.

Отметим, что медицинские работники в профессиональной деятельности сталкиваются с ситуацией смерти чаще, чем большинства представителей других профессий. Одной из наиболее трагичных в настоящее время является ситуация смерти пациенток в акушерстве. Например, историей о столкновении со смертью является рассказ Д. Цепова с шокирующим названием «Я люблю кровотечения», в котором концепт «смерть» тесно связан с традиционным восприятием этого явления.

Примечательно, что отношение героя к акушерскому кровотечению неоднозначное: «Дело в том, что я люблю кровотечения. И боюсь их» [19, с. 72]. Герой рассказа описывает патологические отношения: любовь и страх, испытываемые одновременно, трудно назвать нормой. Далее автор также использует сравнение:

«Кровотечение – это как пощечина» [19, с. 72].

Случай кровотечения ставит перед героем реальности смерти пациентки: «Оно (кровотечение. – Ю. Ф.) всегда пытается унести чью-то жизнь, а мы всегда против» [19, с. 72]. При этом с помощью синтаксиса обозначается расстановка сил: перед нами вечное «противостояние» врачей и кровотечения-смерти, приобретающего в таком контексте черты реального, осязаемого враждебного существа. Обозначая свою позицию как «мы всегда против», автор подчеркивает, что такое положение вещей однозначно, что ни один врач не учитывает контекст ситуации и всегда готов бороться за жизнь пациента до конца.

Параллель концепта «смерть» и «кровь» встречаем в описании атонического кровотечения: «Атония матки – это убивец... методичный и беспощадный маньяк...» [19, с.73]. Обращает на себя внимание просторечная, по мнению лингвистов, например, Д. Ушакова, форма слова «убийца». Однако, представляется, что в современном русском языке слово «убивец» воспринимается как устаревшее. Использование в этом же контексте слова «маньяк» дополняет значение основного концепта: у маньяка всегда извращенные причины убийства, при этом убийство молодой матери всегда считалось наиболее тяжким преступлением. Таким образом, смерть в данном контексте воспринимается как насильственная.

Описание ситуации, смертельно опасной для пациентки и психологически напряженной для медицинского персонажа, осуществляется с помощью концепта «кровь»: «А кровь тем временем из темно-красной становится алой... светло-красной и почти розовой... и тут ты делаешь паузу, потому что понимаешь, что такого цвета кровь не бывает...» [19, с. 75]. Отметим, что в художественной литературе оттенок крови является способом иллюстрирования страдания героя: так, чем темнее оттенок упомянутого цвета, тем сильнее угроза. Однако в реальности медицины нередко цвет крови имеет противоположное значения: темно-

красная кровь – это символ жизни, а светлая, розовая – символ смерти, потому что не соответствует реальному цвету крови.

Бесспорно, концепт «кровь» часто становится синонимом концепта «смерть» при описании различных акушерских ситуаций. И огромное значение здесь играет именно цвет крови: розовый у Д. Цепова и темный, почти черный у Т. Соломатиной: «Не так страшны расслабляющиеся сфинктеры, как темная кровь, истекающая из влагалища и раны. И ты умоляешь ее литься. Но нет. Она застывает мерзкой липкой студенистой массой. Эта обычно такая живая, струящаяся кровь. Не слизи, изливающиеся на тебя, и предсмертный глухой гортанный хрип пугают тебя. А эта кровь – то вдруг внезапно брызнувшая яркой алой струйкой, дарящей надежду, то застывшая пятном раздавленного мертвого насекомого...» [15, с. 92].

В ситуации кровотечения кровь в сознании Д. Цепова одушевляется: «Матка не сокращалась. Из-под пациентки, лежащей на операционном столе, течет на пол тоненькая, но вполне уверенная в себе струйка крови» [19, с. 77].

Интересно, что в рассказе «Я люблю кровотечение» персонифицируется образ смерти, а профессиональная картина мира врача становится идентичной мифологической: «...за плечом у тебя стоит смерть и неторопливо ждет, пока тебе наскучит эта битва за жизнь... или пока ей наскучит смотреть...» [19, с. 75]. Напомним, что наиболее распространенным изображением смерти является рисунок существа в черном плаще с капюшоном и с косой в руках, что символизирует собой представление о том, что смерть «косит косой». Подобное изображения смерти появилось, по мнению историков, после вспышки чумы в Германии в XIV веке. В живописи смерть с косой была изображена впервые Дюрером в 1513 году в гравюре «Рыцарь, смерть и дьявол», после чего коса стала обязательным атрибутом, сопровождающим изображение смерти. Позднее такой образ смерти стал использоваться только в аллегорическом значении.

Смерть в образе жнеца, с которым возможно бороться и даже договориться, предстает перед читателем и в книге Т. Соломатиной. При этом для автора смерть – это то, что примиряет всех, оттеняет жизнь, расставляет приоритеты: «...буквально только что – полчаса назад – вы спасли Жизнь. Вернее, уговорили Смерть не торопиться. Убедили ее в том, что вызов – ложный и даже заплатили неустойку. Кусочком своей Жизни. Своих жизнью» [15, с. 36].

В русской языковой картине мира концепт «смерть» наполняется антропоморфными признаками: она приходит, забирает и т.д. «Живой» смерть предстает и в произведениях пишущих врачей. Например, герой А. Ульянова утверждает, что «смерть ничего не знает о нормированном рабочем дне, о тридцати календарных днях отпуска и выходных. Да и на государственные праздники ей совершенно наплевать. И уж если она заявится с визитом, в компании парочки своих, еще теплых, неофитов – кто-то из живых должен ее радушно встретить» [17, с. 57].

Образ смерти, созданный в художественной литературе о врачах, с одной стороны, укладывается в традиционное представление о ней: она находится неподалеку от умирающего и просто ждет своего часа. Однако здесь смерть выступает наблюдателем, который способен испытывать любопытство, нетерпение и прочие чувства. Наделение смерти характеристиками живого человека свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в представлении врачей она – почти реальный персонаж, в крайнем случае, реальная сила, с которой приходится считаться.

Интересно, но не все представители медицинской профессии или медработники стереотипно воспринимают смерть. Так, ее образ, созданный автором «Записок санитары морга», разительно отличается от традиционного представления о ней: «На пороге отделения стояла худощавая поджарая старушка, невысокая, с коротко стриженными кудрявыми волосами, выкрашенными в ядовито-рыжий цвет, не встречающийся в естественной природе.

Ее выразительное скуластое лицо, с большим высоким лбом и огромными, совсем молодыми черными глазами, притягивало к себе взгляд. Одета она была в фиолетовую потрепанную вязаную кофту и длинную цветастую юбку, из-под которой виднелись черно-белые, выдавшие виды, кеды. Пальцы ее правой руки, которой она упиралась на красный старомодный зонт, были унизаны множеством перстней с крупными разноцветными камнями. В левой она сжимала измятую потухшую папиросу, воняющую дешевым куревом» [17, с. 236]. Таким образом, смерть в произведении А. Ульянова предстает максимально очеловеченной, это объясняется тем, что герой, сталкиваясь со смертью каждый день, видимо, не способен воспринимать ее как нечто отвлеченное, для него она реальна. Такое отношение объясняется, видимо, тем, что «пациенты» героя А. Ульянова уже мертвы, он не сталкивается ежедневно с их страданиями, не видит момента угасания в них жизни, что, в свою очередь, также накладывает отпечаток на восприятие смерти: герой работает с ее последствиями и живых людей воспринимает в другом аспекте.

Аналогично картине мира патологоанатомов понимание смерти врачами операционной: они настолько привыкли к ее присутствию, что «...от этого знания (смерть за плечом. – Ю. Ф.) не становится ни грустно, ни страшно... Мы просто продолжаем драться за жизнь. Мы больше делать-то ничего не умеем...» [19, с. 75]. Обилие отрицательных частиц, употребление выражения «драться за жизнь», где объектом битвы является не сохранение собственной жизни, а судьба другого человека «отсылает» читателя к военной прозе.

Примечательно, что концепт «смерть» нередко «соседствует» с концептом «Бог», при этом такое положение характерно и для наивной картины мира, и для профессионально-медицинской. Так, Т. Соломатина размышляет: «Можно увидеть смерть жизни. А можно – смерть каждой секундочки из девятнадцати лет жизни этой девочки! Творец вдыхает ду-

шу. Но дышать за нас не в силах. Поэтому, вдохнув, Он просто уходит играть в кости...» [15, с. 91].

Итак, феномен встречи героя со смертью в отечественном и зарубежном литературоведении, а также в философии изучен всесторонне. Так, например, Е. Фарино, полагает, что встреча со смертью происходит всегда на границе пространства-времени, специфика такого положения «состоит в том, что каждая ее точка принадлежит одновременно двум разделяемым сферам, а она сама из разделяющей превращается в разделяюще-объединяющую, в медиатора. Пребывание на такой границе носит характер амбивалентного состояния «присутствия-отсутствия», «реально-ирреального», «чужого-своего», «двойного бытия» и т. п. <...> Эти промежуточные состояния часто возводятся в ранг единственного состояния мира, они не предполагают перехода к состояниям четким и определенным. Они – не переход в равно реальное, а зона, которая позволяет соприкоснуться с «вечностью», с «запредельным» [18, с. 275]. При этом, учитывая тот факт, что на формирование профессиональной картины мира накладывает отпечаток специфика трудового процесса, объекты трудовой деятельности [10], представляется возможным предположить, что особое эмоциональное состояние героев художественной литературы вызвано именно амбивалентным состоянием «присутствия-отсутствия», а зона «соприкосновения с вечным и запредельным» «диктует» максимально отстраненное состояние.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Проблемы вербализации концепта. – Волгоград, 2003. – 96 с.
2. Артемьева Е. Ю., Вяткин Ю. Г. Психосемантические методы описания профессии // Вопросы психологии. – 1986. – № 3. – С. 127–133.
3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории и словесности к структуре текста. Антология. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
4. Большой толковый медицинский словарь: в 2 т. – М. : Вече АСТ, 2001. Т. 2.

5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
6. Воркачев С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурологический концепт, типология и области бытования: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 8–93.
7. Ефремова Н.В. Внутренняя диалогичность в медицинских научных текстах // Вестник Волгоградского университета. Серия 2: Языкознание. – 2015. – № 2. – С. 74–79.
8. Ефремова Н. В. Концепт «Смерть» (по материалам повести Н. М. Амосова «Мысли и сердце» // Наука в современном мире : материалы IX Международной научно-практической конференции (22 февраля 2012 г.); сб. науч. тр. / под науч. ред. д. пед. н., проф. Г. Ф. Гребенщикова. – М. : Издательство "Спутник+", 2012. – С. 278–282.
9. Жарова (Федорова) А. В. Профессиональная языковая картина мира сотрудника банка // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2014. – № 5. – С. 26–31.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
12. Лихчев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. – М. : Academia, 1997. – С. 280–287.
13. Рогозин Д. Социология смерти // Отечественные записки. – 2013. – № 5. – С. 109–118.
14. Смерть // Энциклопедический словарь. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М. : ТЕРРА, 2003. Т. 4. – С. 398.
15. Соломатина Т. Акушер-Ха!: сборник повестей и рассказов. – М.: Эксмо, 2013. – 448 с.
16. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
17. Ульянов А. Записки санитаря морга. – М. : Аст, 2013. – 416 с.
18. Фарино Е. Введение в литературоведение. – М.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.
19. Цепов Д. С. Держите ножки крестиком, или Русские байки английского акушера. – М. : АСТ; Санкт-Петербург: Астрель-СПб, 2013. – 253 с.
20. Чернышова Л. А. Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы: монография. – М. : МГОУ, 2010. – 206 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Alefirenko N. F. Problemy verbalizacii koncepta. – Volgograd, 2003. – 96 s.
2. Artem'eva E. Ju., Vjatkin Ju. G. Psihosemanticheskie metody opisanija professii // Voprosy psihologii. – 1986. – № 3. – S. 127–133.

3. Askol'dov S. A. Koncept i slovo // Russkaja slovesnost'. Ot teorii i slovesnosti k strukture teksta. Antologija. – M. : Academia, 1997. – S. 267–279.
4. Bol'shoj tolkovyj medicinskij slovar': v 2 t. – M. : Veche AST, 2001. T. 2.
5. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie: Per s angl. – M. : Russkie slovari, 1996. – 416 s.
6. Vorkachev S.G. Napolnenie konceptosfery // Lingvokul'turologičeskij koncept, tipologija i oblasti bytovanija: monografija. – Volgograd: Izd-vo VolGU, 2007. – S. 8–93.
7. Efremova N.V. Vnutrennjaja dialogičnost' v medicinskih nauchnyh tekstah // Vestnik Volgogradskogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. – 2015. – № 2. – S. 74–79.
8. Efremova N. V. Koncept «Smert'» (po materialam povesti N. M. Amosova «Mysli i serdce» // Nauka v sovremennom mire : materialy IX Mezhduнародnoj nauchno-praktičeskoj konferencii (22 fevralja 2012 g.); sb. nauch. tr. / pod nauch. red. d. ped. n., prof. G. F. Grebenshnikova. – M. : Izdatel'stvo "Sputnik+", 2012. – S. 278–282.
9. Zharova (Fedorova) A. V. Professional'naja jazykovaja kartina mira sotrudnika banka // Vestnik MGOU. Serija: Lingvistika. – 2014. – № 5. – S. 26–31.
10. Karasik V. I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. – Volgograd : Peremena, 2002. – 477 s.
11. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. – M. : Nauka, 1987. – 264 s.
12. Lihčev D. S. Konceptosfera russkogo jazyka // Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologija. – M. : Academia, 1997. – S. 280–287.
13. Rogozin D. Sociologija smerti // Otečestvennye zapiski. – 2013. – № 5. – S. 109–118.
14. Smert' // Jenciklopedičeskij slovar'. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. – M. : TERRA, 2003. T. 4. – S. 398.
15. Colomatina T. Akusher-Ha!: sbornik povestej i rasskazov. – M.: Jeksmo, 2013. – 448 s.
16. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. – 824 s.
17. Ul'janov A. Zapiski sanitara morga. – M. : Ast, 2013. – 416 s.
18. Farino E. Vvedenie v literaturovedenie. – M.: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gercena, 2004. – 639 s.
19. Cepov D. S. Derzhite nozhki krestikom, ili Russkie bajki anglijskogo akushera. – M. : AST; Sankt-Peterburg: Astrel'-SPb, 2013. – 253 s.
20. Chernyšova L. A. Otraselevaja terminologija v svete antropocentričeskoj paradigmy: monografija. – M. : MGOU, 2010. – 206 s.

© *Фатеева Ю. Г.*, 2016

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDESKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016 ГОДУ**

Дата	Название
1–2 июня 2016 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2016 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2016 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2016 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2016 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2016 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2016 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2016 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2016 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему

1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor за 2015 г. – 1,041, • Scientific Indexin Services за 2015 г. – 1,09, • General Impact Factor за 2015 г. – 2,1825, • Scientific Journal Impact Factor (Индия) за 2015 г. – 4,22, • Research Bible за 2015 г. – 0,781, • РИНЦ за 2014 г. – 0,312.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor за 2015 г. – 1,5947, • Scientific Journal Impact Factor (Индия) за 2015 г. – 4,061.
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis.

FILOLOGICKÉ VĚDOMOSTI

Vědecký a praktický časopis

№ 2, 2016

Čtvrtletní

Šéfredaktorka – **Irina S. Karabulatova**

Názory vyjádřené v této publikaci jsou názory autora
a nemusí nutně odrážet stanovisko vydavatele.
Autoři odpovídají za správnost publikovaných textů – fakta, čísla, citace,
statistiky, vlastní jména a další informace.

Opinions expressed in this publication are those of the authors
and do not necessarily reflect the opinion of the publisher.
Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures,
quotations, statistics, proper names and other information.

Redaktorka – I. G. Balašova
Korektura – Ž. V. Kuznecova
Produkce – G. A. Kulakova

Podepsáno v tisku 26.05.2016. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavatelství 6
100 kopií.

VYDAVATEL:

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
IČO 29133947
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz